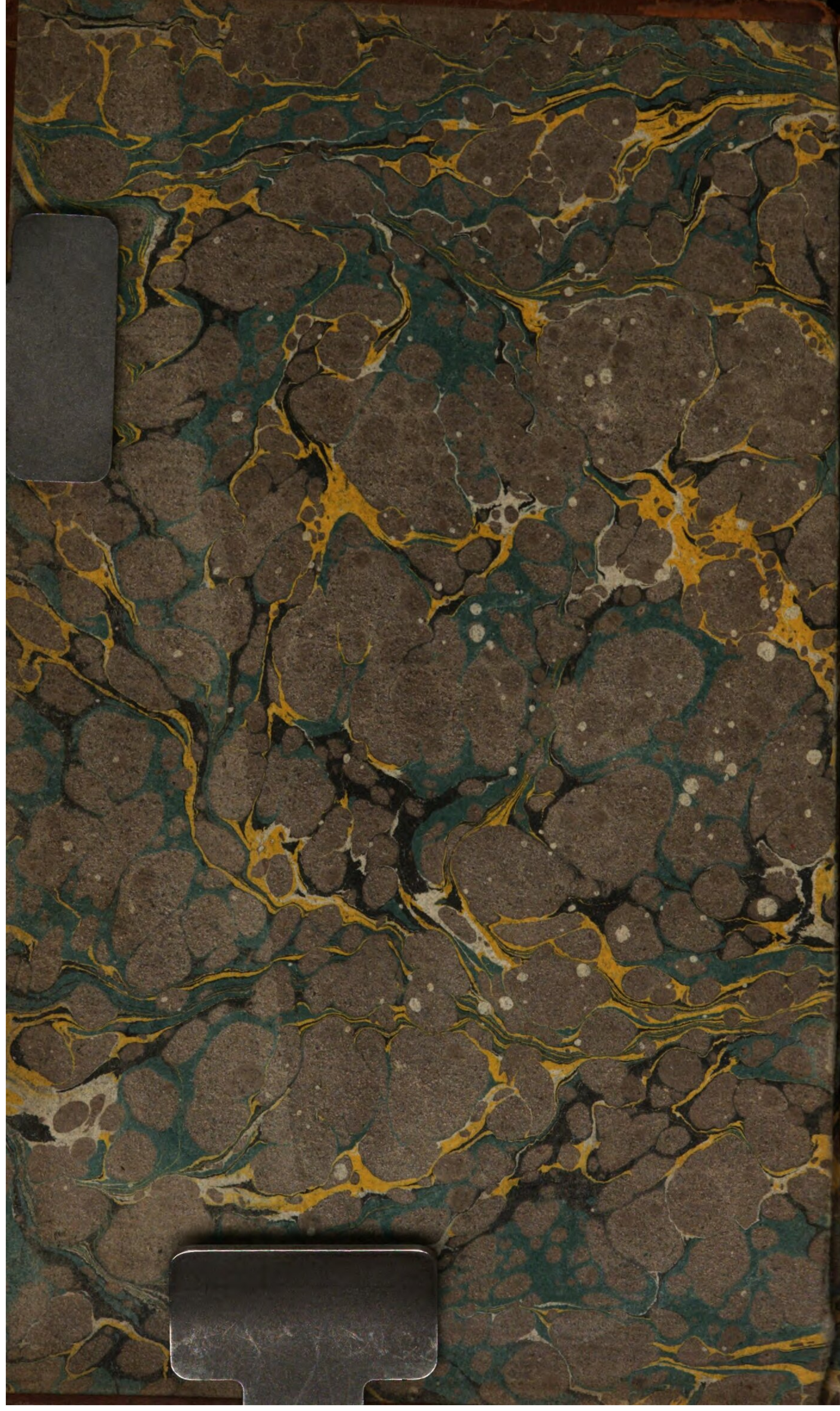
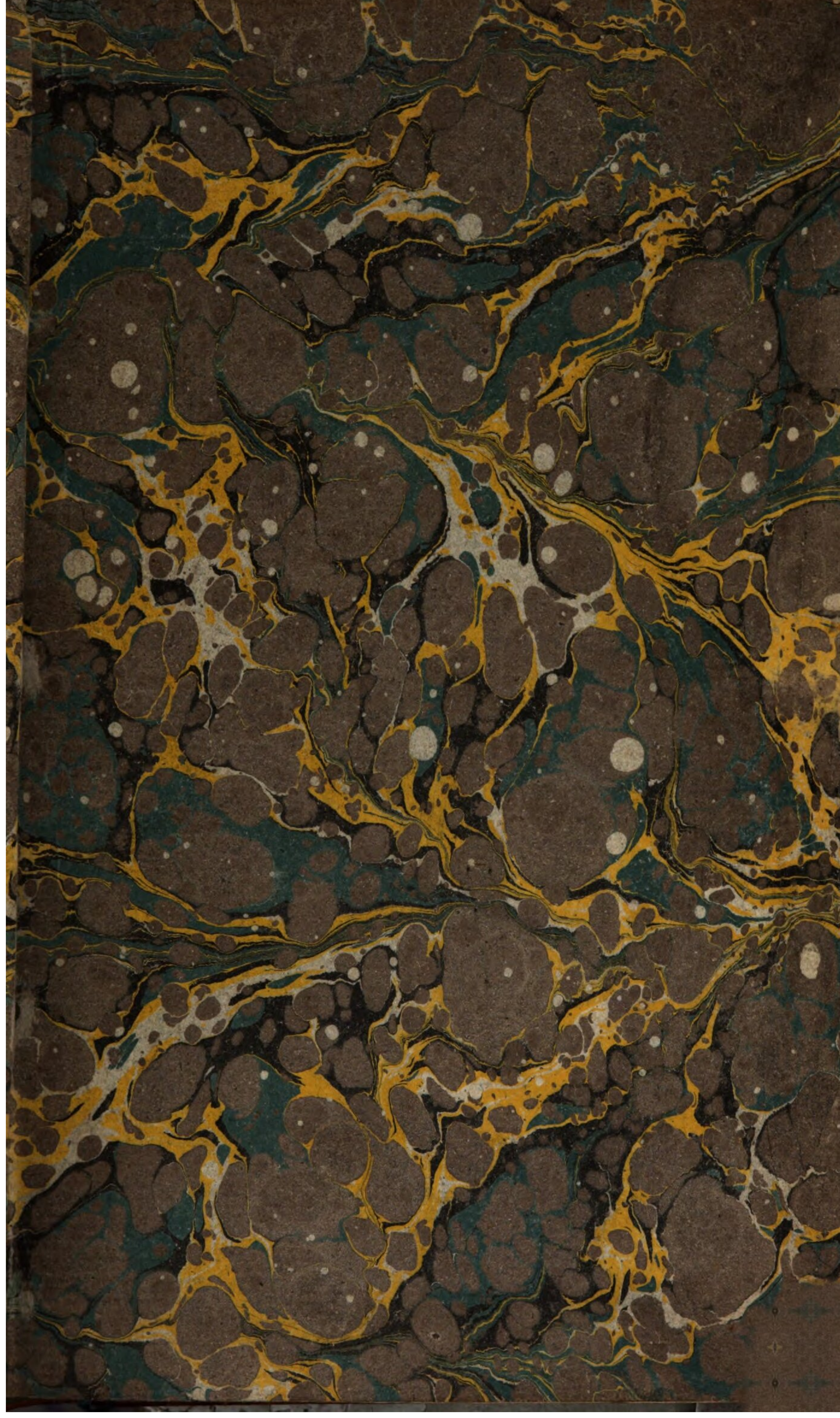

Russ.

289

211

241.

Russ. 289 $\frac{L}{1}$

ТВЕРДОСТЬ ДУХА
РУССКИХЪ.

.....
*Любить Царя , любить Отечество.
Царю правда лучший слуга.*

К. Я. О. Долгорукой.
.....

„Не лучше ль мнѣ извѣстнымъ,
„А больше намъ полезнымъ быть?
„Подобясь ручейкамъ прелестнымъ,
„Поля, луга, сады кропиль,
„И шихимъ вдалекѣ журчаньемъ
„Пошомство привлечь съ вниманьемъ.

Державинъ.

ТВЕРДОСТЬ ДУХА РУССКИХЪ.

ГАВРИИЛЪ ГЕРАКОВЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Кто льетъ слезы при видѣ бѣдствій, или
слыша о дѣлахъ добродѣтельныхъ, тотъ
способенъ усладить первыя и творить по-
слѣднія.

ПЕТРОГРАДЪ.

Въ Типографіи Военнаго Министерства

1813 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпу-
ска изъ Типографіи представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги
для Цензурнаго Комитета, другой для Депар-
тамента Министерства Просвѣщенія, два эк-
земпляра для Императорской публичной Би-
бліотеки и одинъ для Императорской Акаде-
міи Наукъ. Санктпешербургъ. Маія 13 дня
1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

Deutsche
Stadtbibliothek
München

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ

ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,

ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

и прочая, и прочая, и прочая.

TO THE HONORABLE

MEMBERS

OF THE HOUSE OF COMMONS

IN PARLIAMENT ASSEMBLED

THE SECRETARY OF STATE

FOR THE DEPARTMENT OF THE INTERIOR

AND OF THE PUBLIC LANDS

**ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ
ГОСУДАРЬ!**

У вѣреннѣй на опытѣ въ любви **ВАШЕГО**
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА къ
подданнымъ, а болѣе къ истиннымъ сынамъ
Отечества, смѣло посвящаю **ВАШЕМУ ВЕ-**
ЛИЧЕСТВУ хотя несовершенные, но усер-
діемъ преисполненные труды свои, подѣ за-
главіемъ **ТВЕРДОСТЬ ДУХА РУСКИХЪ.**

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрно подданный

Гавріиль Гераковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Е Р В О Й К Н И Ж К И.

	Стран.
<i>ПЕТРА Великаго дядя Нарышкинъ . . .</i>	<i>1.</i>
<i>Суворовъ съ Русскими въ Италиі . . .</i>	<i>11.</i>
<i>Князь Рязанскій Оеодоръ и супруга его Эвпраксія</i>	<i>16.</i>
<i>Сѣкеринъ, Регульскіе съ Русскими на Кавказѣ, въ царствованіе АЛЕКСАН- ДРА Перваго</i>	<i>25.</i>
<i>Дмитрій Донской съ Русскими на Кули- ковомъ полѣ</i>	<i>30.</i>
<i>Графъ Орловъ, Спиридовъ и Ильинъ съ Русскими при Чесмѣ</i>	<i>49.</i>
<i>Минихъ въ заточеніи въ царствованіе кроткой ЕЛИСАВЕТЫ І.</i>	<i>69.</i>
<i>Русскій солдатъ при ПЕТРѢ Великомъ .</i>	<i>77.</i>
<i>Парфентьевъ 1794</i>	<i>80.</i>
<i>Князь Гагаринъ 1794</i>	<i>85.</i>
<i>Яковъ Оеодоровичъ Долгоруковъ въ плѣну у Шведовъ</i>	<i>88.</i>
<i>Купецъ Новгородскій Иголкинъ . . .</i>	<i>91.</i>
<i>Старикковъ и Чуйка при АЛЕКСАН- ДРѢ І.</i>	<i>98.</i>
<i>Мигдановъ и Монтрезоръ при АЛЕ- КСАНДРѢ І.</i>	<i>99.</i>
<i>Русской солдатъ при АЛЕКСАНДРѢ І.</i>	<i>102.</i>

Молодой Ржевскій	103.
Бутурлинъ	106.
Олонецкой воевода виноватъ	110.
Ахвердовъ	112.
Гурьевъ	117.
Князь Г. Кутузовъ-Смоленскій съ Рус- скими 1812	124.

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ДЯДЯ

НАРЫШКИНЪ.

Человѣкъ жертвующій жизнію своею благу Отечеству, заслуживаетъ вниманіе общее, и уваженіе каждаго здравомыслящаго; но попъ, который умираетъ съ безспрашіемъ, для того, что смерть его можетъ переменить дѣла ужасныя, волнующія внутри Отечества, достоинъ безсмертія; попъ, говорю, котораго жизнь нужна для искупленія бѣдъ спвій, водворившихся въ Государствѣ, и онъ зная судьбу свою, въ воспоргѣ умираетъ, претерпѣвъ всѣ ужасы злодѣянія, возстановляетъ пишину, оправду рода человѣческаго, прекращаетъ крамолы и готовитъ щастіе соотечествен-

Часть I.

никамъ; такой человекъ, повторяю, во истинну Герой всѣхъ вѣковъ; онъ воздвигнеть олтарь благодарности въ память непоколебимаго духа своего.

Человекъ посвятившій себя служить ближнему оружіемъ, идетъ проливъ нарушителей покоя съ неустрашимостию; онъ лепитъ предъ рядами рапниковъ, предводителству его вверенныхъ, возпламеняетъ каждого приступа съ неупомимою твердостью на враговъ Ощесства, на ихъ враговъ, и щипся дѣлами заслужить вѣнецъ славы; онъ самъ кидаетъ громъ на встрѣчу грому, опасность не можетъ удержатъ его; онъ уже тамъ разитъ проливныхъ, подобно палящей молніи, и удивляетъ самое мужество своими подвигами. Однако онъ же мечтаетъ, надѣется оспаться и въ живыхъ; но человекъ, такъ сказать, определенный на смерть пагубною судьбою для общественнаго блага и идущій съ такимъ хладнокровіемъ, какимъ немногіе надѣлены, на неизбежную гибель, на смерть мучительную, не только превыше истиннаго воина, онъ превосходитъ всѣхъ смертныхъ; и когда онъ же гордится жре-

біємъ своимъ, благодаритъ Всемощнаго за избраніе его орудіемъ изцѣленія неизлѣчимыхъ язвъ Опечеснѣва любезнаго, молилъ родство и друзей быть покойными и взираетъ на завидную участь его, на смерть его съ радостію; ибо се есть памятникъ временъ грядущихъ, когда, можетъ быть люди бывъ справедливы, воздадутъ достойное — *достойнымъ*.

Таковыми мужами гордились древность; таковы были Кодръ, Леонидъ, Регуль, Децій; таковъ былъ и въ новѣйшей исторіи въ Россіи Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ, мужъ, котораго память сохранилась въ вѣкахъ, какъ память величайшаго человека всего міра. Онъ имѣетъ свой алтарь въ сердцахъ, кто его знаетъ; монументъ воздвигнутъ въ душахъ, кто его узнаетъ въ слѣдующихъ спрокахъ.

Россійскій Титъ, Царь Θεодоръ Алексѣевичъ, скончался въ 1682 году; онъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ Іоанна и Петра. Преемничество по всякому праву принадлежало Іоанну, какъ старшему брату, и потому болѣе, что Іоаннъ съ Θεодоромъ отъ одной матери Марьи Ильинишны Княжны Милослав-

ской рождены, а ПЕТРЪ ОНѢ ИХЪ МАЧИ-
 хи Напальи Кириловны Нарышкиной. Но
 благоразумный Ѳеодоръ, любящій Опече-
 спво Государь, смолрѣлъ болѣе на
 пользу народа Своего, нежели на право
 первородспва. Онъ видѣлъ Іоанна слаба-
 го плѣломъ и умомъ, въ ПЕТРЪ же пред-
 усмапривалъ пропивное. Онъ заключилъ
 изъ взора быспраго, изъ оспропы ума,
 смѣлыхъ разговоровъ, изъ величеспвен-
 ныхъ движеній, что въ Немъ пребы-
 ваепъ духъ, копорый къ царспвованію
 шокмо созданъ, для щаспія полушара
 земнаго и для изумленія всего.

ОНѢ ВОПЪ ПРИЧИНЫ, ЧТО ПЕТРЪ девяти-
 лѣпъ былъ провозглашенъ Государемъ
 Россіи всѣмъ Дворянспвомъ, Духовен-
 спвомъ и народомъ, копорому и при-
 сятали. Казалось при самомъ началѣ,
 что ПЕТРЪ будепъ Царспвовапъ въ пи-
 щинѣ и благоденспвіи; но того не можетъ
 произвестъ жадность къ властолюбію!

Софья Алексѣевна *), Сесптра ПЕТРА І
 по опцѣ Царѣ Алексѣе Михайловичѣ,
 разумная, чхипрая и прекраснѣйшая

*) Ей было 24 года онѣ рожденія.

того времени, не была довольна слыть только Сестрою Внценосца; Она хотѣла привлечь на себя правленіе, и подъ предлогомъ, что обойденъ старшій братъ, взбунтовала спрѣльцовъ пропивъ Ивана Кириловича Нарышкина, роднаго Дяди Петра Великаго, и перваго Совѣтника въ Правительствѣ, увѣривъ ихъ, что онъ Нарышкинъ надѣлъ на себя знаки Царскіе и хочетъ убить Іоанна Алексѣевича. Сія ужасная клевета привела въ неистовость спрѣльцовъ; они поступками своими привели самое злодѣйство въ содроганіе. Тогда были умерщвлены мучительно: братъ Царицы Афонасій Нарышкинъ, Князь Георгій Долгорукій и сынъ его Михаилъ, Князь Григорій Ромодановскій, Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ, Иванъ Языковъ; Думные Дѣяки: Иларіонъ Іоанновъ, Аверкій Кириловъ, Спольники: Θεодоръ Салпыковъ, Василій Ивановъ и многія другія особы.

Неистовство до того простерлось, что во время убійства, выбѣгалъ одинъ изъ среди бунтовщиковъ на площадь, крича: *любо ли, любо ли!* Весь народъ

долженъ былъ кричать: *любо! любо!* Поступавшіе иначе, бывали умерщвляемы. Таковыя дѣйствія продолжались пять дней, въ теченіе которыхъ не разъ стрѣльцы врывались во дворъ Царскій, тамъ предавали неслыханнымъ мученіямъ присудствующихъ бояръ, допрашивая ихъ, гдѣ опецъ Царицы Кирило Полуектовичъ Нарышкинъ и сынъ его Иванъ; *дайте, дайте намъ ихъ убить.* Бояре Рускіе умирали съ твердостью, не хотѣли выдасть мучителейъ невинныхъ.

Тогда-то Руской Кодръ, Иванъ Нарышкинъ, дабы спасти Опечесство отъ совершенной гибели, умоляетъ сестру свою Царицу Наталью Кириловну, проситъ друзей Россіи, охранителей Петра I, говоритъ ко всѣмъ: *отпустите, отпустите меня съ отцемъ моимъ спасти Отечество отъ бѣдствій.* — Великое вѣщанство, убѣдительное краснорѣчіе потребно было ему, испросить себѣ позволеніе иппи умирать за Царя своего, за Россію. Непреклонны оспавались Царица, Іоаннъ братъ Государевъ и Бояре, дополь, доколь не увидѣли масть градовъ Россійскихъ Мо-

скву въ пламени опъ зажигапелей, до-
колъ не увидѣли на улицахъ, что кровь
гражданъ, любившихъ Царскую кровь,
льется въ изобилии; тогда Царица при-
спувила первая къ единокровному, *иди,*
любезный братъ, говоришь мапъ Петра
Великаго, *иди умереть Отечество спасаю,*
да тѣмъ изоблишишь клеветниковъ, враговъ
Царю, Отечеству и роду нашему.

Слова мапери образовапеля Россіи
исполняють духомъ Ивана Нарышкина;
онъ съ радостію спѣшишь увѣдомишь
престарѣлаго родипеля, что наконецъ
позволено имъ умереть за Опечеспво, за
Царскую кровь.

Кирило Полуехповичъ при сей вѣспи
приносишь пеплыя молипы Всевышне-
му, берепъ сына за руку, поропишся
выппи изъ Троицкаго монастыря, онъ
хочепъ какъ можно скорѣе прекраппишь
кровопролиппіе Московское. Оба уже въ
Кремль. Иванъ Кириловичъ показывается
на Красномъ Крыльцѣ спрѣльцамъ; они
видяшь его, и начальники ихъ Князь Хо-
ванскій и Князь Милославскій. Усмопрѣв-
ши злодѣи Нарышкина, спрепясь на не-
го, желаюшь предашь смерти. Онъ скры-

вается. Спустия малое время, является опять предъ злодѣевъ, говоришъ: *вы жаждете крови моей! я скоро предстану вамъ, да насытитесь ею, и да тѣмъ прекратится убійство соотчужей моихъ.*

Опець съ сыномъ исповѣдались, приобщились Святыхъ Таинъ, попомъ въ воспоргъ опдались на мученія.

Иванъ Нарышкинъ исполня долгъ свой, долгъ каждого Хриспіянина, готовящагося къ смерти, снова видѣнь на Красномъ Крыльцѣ, обращаетъ рѣчь свою къ спрѣльцамъ: *Я уже готовъ умереть, дай Богъ, чтобъ смерть моя прекратила возмущеніе; дѣлайте со мною, что хотите.* Сіи слова, преисполненныя великодушія, пронули бы людей; но сихъ кровожадныхъ звѣрей въ вящій и вящій гнѣвъ привели. Тысячи злодѣевъ, съ ужаснымъ крикомъ, бросились на Красное Крыльцо, спащили опца съ сыномъ на обагренную уже кровію площадь. Тамъ изъ мерпвыхъ пѣлъ, ими убіенныхъ, соспавили одно пѣло: Ивана Нарышкина поспавили среди сихъ мученическихъ оспашковъ; Кирила Полуехповича связавъ, велѣли ему бышъ свидѣлемъ мученій сына его. Оба безмолвспвуютъ;

гопovy претерпѣть всѣ жесточайшія варварства для соопечественниковъ.

Казалось, таковая твердость ихъ могла бы поколебать предпріятія людей, опъ истинны и должнаго повиновенія опдалившихся; можетъ быть и пронула злодѣевъ непоколебимостъ Ивана Нарышкина, ежели бы въ поже время проотивники челоѣческаго согласія Милославскій и Хованскій, желая похитить власъ самодержавную, восклицаніями своими не возбуждали изверговъ, кончивъ великое дѣло свое (такъ богопротивные тогда думали), удививъ міръ лютостію, превьшающею хищныхъ звѣрей, надъ Нарышкинымъ.

И такъ, *великаго челоѣка*, окружили ничтожноствъ, поношеніе рода челоѣческаго; дѣлали съ нимъ уму непоспѣжимыя неистовства. *Великій*, непоколебимъ пребылъ, просилъ только, скорѣе жизни его искушивъ Опечество опъ бѣдствій. Умрешь и умрешь мучительно, кричали злодѣи; въ поже время бросились на почтеннаго Кирила Полуехтовича, привлекли къ спрадальцу сыну его, да видивъ онъ мученическую смерть его. Поставивъ такъ опца, адъ внушилъ имъ

поднятъ сына, на оспріяхъ копій, сбрасывають съ оныхъ, ловятъ оными и мечами на воздухъ. Наконецъ изрубили въ мѣлкіе куски тѣло Нарышкина, и оспапки мученика втоптали въ грязь, при восклицаніяхъ пропивныхъ небу.

Родителя, величайшаго изъ смертныхъ заставивъ быть свидѣтелемъ бѣдствен-ной кончины сына его, насильственно поспригли въ монахи.

Такой конецъ имѣлъ первый стрѣлецкій бунтъ. Кровь преспала обагрять Москву, пролитіемъ невинной крови Нарышкина. Возведены вмѣстѣ Петръ и братъ его Іоаннъ на Пресполь Всеросійскій; новая присяга учинена; грабежи, пожары, убійства прекратились.

Другъ человѣчества, со щаніемъ ищешь монумента Ивану Нарышкину воздвигнутаго, и со слезами, съ сокрушеннымъ сердцемъ, видишь, что щепны его поиски — памятника не находишь. Какъ! восклицаетъ онъ, таковой подвигъ ужели забытъ! ужели дѣйствіе, единственное въ исторіи минувшихъ лѣтъ, оставлено безъ вниманія? Боже! какъ люди несправедливы!

Утѣшся, чувствительный путешественникъ, монументъ великаго человека имѣетъ основою, многія души тебѣ подобныя.

Ты же, прахъ великаго Нарышкина, покойся на лонѣ Суща, Бывша, Будуща! ты спасъ Опечеснво, вопъ пвой памятникъ! ты памъ на высотѣ, куда мысль наша не доспигаетъ, и гдѣ бренное око наше созерцать не можетъ, ты памъ ликуешь съ Несозданнымъ. Онъ знаетъ цѣну услуги, оказанной побою Опечеснву; пребудь въ мирѣ съ міромъ!

СУВОРОВЪ

СЪ РУССКИМИ ВЪ ИТАЛІИ.

Кому не извѣстны исполинскіе подвиги вѣчно-побѣдоноснаго Суворова; онъ на опытѣ позналъ, что Рускіе солдаты, сверхъ привязанности къ Вѣрѣ, Опечеснву и Государю своему, мужественны, терпѣливы, неупомимы, пверды; на сихъ оплопахъ основывалъ побѣды свои великій Суворовъ. Кто не знаетъ его безъ

смертныхъ подвиговъ? начиная съ Царствованія Императрицы Елисаветы, почти до вступленія на Престоль Всероссийскій нынѣ благополучно Царствующаго АЛЕКСАНДРА I, и нигдѣ, и никогда и никѣмъ не былъ побѣжденъ; но меня приводитъ въ воспоргъ послѣдній его походъ въ спароспи, когда вселенная успремила взоры свои на Героя Сѣвера, и онъ изумилъ вселенную. Вотъ краткое начерпаніе невѣроятныхъ дѣйствій:

Суворовъ, посланный опъ Императора Павла I. въ Италію, 1799 года въ концѣ Апрѣля мѣсяца, оспавя за собою Алпійскія горы, былъ уже въ *Веронѣ*, съ первою Россійскою колонною. Въ началѣ Маія Суворовъ разбилъ при *Кассанно* славнаго Французскаго полководца Моро и взялъ Генерала Серюрье съ преме тысячами чело-вѣкъ въ полонъ; своими движеніями, своими быспрыми переходами, побѣдами, удивилъ пяпъ часпей свѣта; онъ нападалъ на Французовъ безъ отдохновенія, и не покмо не допустилъ побѣдитъ Россіянъ, но заставилъ Французовъ быть

всегда подъ ружьемъ. Искусный Моро
 опспупиль въ *Павію*. Передовое союз-
 ное войско заняло *Миланъ*. — Суворовъ
 преслѣдуетъ Моро, и Маія мѣсяца бьетъ
 его близъ *Валенціи*; союзныя Император-
 скія войска берутъ *Болонію*; въ началѣ
 Іюня *Миланская* и *Феррарская* цитадели
 сдались войскамъ, предводительству Су-
 ворова ввѣреннымъ. Сего же мѣсяца
 взяты были *Пескіера*, *Пиццигонъ* и вся
Ломбардія, и Рускіе съ Цесарцами при-
 ближились къ Турину. Моро споялъ за
 Генуезскими горами.

Въ сіе время другой, славный же пол-
 ководецъ Французскій Магдональ, вы-
 шедъ съ сильною арміею изъ Неаполя,
 оспановился около Болоніи, чѣмъ по-
 спавитъ Суворова между двухъ огней.
 Но Герой Сѣвера, геніемъ своимъ управ-
 ляемый, все предвидѣлъ, и въ шестъ ча-
 совъ вечера, оспавилъ Туринъ; на дру-
 гой день въ одиннадцатъ часовъ ухра-
 былъ въ *Александріи*, опшуда опятъ въ
 шестъ часовъ выступиль, и на третій
 день Россійское передовое войско было
 уже въ чепырнадцати верстахъ отъ *Пя-
 тенцы*, въ *Кастель - Сентъ - Джіовани*.

Россійская армія, оставляя позади себя 60 и 70 верстъ въ сутки, безъ отдохновенія поставлена въ боевой порядокъ прошивъ непріятеля; кровопролитное сраженіе въ концѣ Іюня мѣсяца при *Требии*, близъ *Пятенцы*, возобновленіе на другой день, кончилось на четвертый совершеннымъ разсѣяніемъ Магдоналевой арміи, и увѣнчало новыми лаврами Суворова. Магдональ съ остатками разбитаго своего войска, не могши соединиться съ Моро, спустился въ Генуэзскія горы; *Туринъ* сдался союзнической арміи.

Спарый лѣтами, но бодрый духомъ великій Суворовъ, не довольствуясь Требскою побѣдою, съ тою же поспѣшностію обратился назадъ, на встрѣчу Моро, желавшему соединиться съ Магдоналемъ, и бѣжалъ его, въ началѣ Іюля мѣсяца, близъ *Сентъ - Джіуліано*. *Неаполь*, *Ливорна*, *Пиза* и *Лука* очищены отъ Французовъ, *Александрія* сдалась. Генуэзскія горы опять скрыли Моро; гдѣ сей Французской полководецъ старался присоединить къ себѣ остатки Магдоналевой арміи. Рѣшительное

сраженіе у Нови подѣ предводителствомъ Жюберта, Моро и другихъ Генераловъ, положило на мѣстѣ битвы, по реляціямъ французскимъ, болѣе двадцати тысячъ французовъ; Рускихъ было не болѣе принадцати тысячъ человекъ, но великой Суворовъ съ ними; изъ коихъ по достовернымъ извѣстіямъ убито около четырехъ сотъ человекъ и ранено около тысячи осьми сотъ.

Битва при Нови есть превосходство генія Суворова, и удивительная крепость Рускихъ воиновъ. Суворовъ проложилъ себѣ дороги по непроходимымъ горамъ, защищаемымъ тяжелою артиллеріею, разбилъ враговъ, возвратилъ Пресполы Королямъ, ознаменовалъ Царствование Императора Павла I и обезсмертилъ имя свое и Россіянъ.

Монументъ Суворову былъ уже почти къ концу приведенъ, рукою искуснаго Скульптора Козловскаго, но кончина Императора Павла доставила АЛЕКСАНДРУ I, воздвигнуть памятникъ на Царицынскомъ лугу или Марсовомъ полѣ, величайшему изъ полководцевъ всего міра, Александру Ва-

сильевичу Князю Ипалійскому, Графу Суворову-Рымникскому. Но и безъ сего монумента, кто истинно Россіянинъ, и у кого печетъ еще кровь Славяно-Россовъ, забудетъ Героя Сѣвера, единственнаго по сіе время полководителя?

Суворовъ опъ того всѣхъ билъ, что былъ непроницаемъ въ своихъ дѣйствіяхъ; хотя казалось многимъ, что тайнство его движеній постигли. Лавернъ хотя и иноземецъ, но Россія должна быть благодарна ему за описаніе искуснымъ перомъ подвиговъ Суворова.

КНЯЗЬ РЯЗАНСКІЙ ТЕОДОРЪ

и

супруга его Эвпраксія.

Кровь древнихъ Грековъ печетъ въ жилахъ моихъ; но я родился въ Москвѣ, выросъ, возлѣянь, образованъ, все Русскими, и чувствую въ душѣ своей признательной, что и я пользовался щедротами Великой Монархини Екатерины II. Съ первыхъ лѣтъ, возлюбилъ

Исторію Россіянъ, народа образовавша-
го меня, и на всегда наставившаго,
улыбаться неспоянству слѣпаго ща-
спія, переносить съ твердоспію не-
справедливости, и быть готову равно-
душно, съ теплою вѣрою къ Творцу,
разсѣпаться съ пѣломъ и возлѣпѣть ду-
хомъ къ вѣчному пированію, къ Зижди-
телю всяческихъ.

Россія! пвоя Исторія, любимое заня-
тіе мое. Ахъ! какъ больно, чувспви-
тельно, для каждаго истинно Рускаго,
что мало кто занимается Исторіею
Опечеспва! Есть дѣла великія, но опы-
скапъ ихъ, спойпъ прудовъ долговре-
менныхъ. Я съ охотой, копорой роюся
въ Славянскихъ быляхъ, небылицахъ, пер-
плю много оскорбленій опъ Россіянъ,
образованныхъ въ чужихъ краяхъ, или
иноспранцами; иногда слыву глупцомъ
для нихъ, что занимаюсь пустошой од-
ной. — Они Рускую Исторію вмѣстѣ съ
иноземцами начинаютъ со временъ Пе-
тра Великаго, и сію чипаютъ въ со-
чиненіяхъ не Рускихъ. Увы! не знаютъ
бѣдныя, сожалѣнія достойныя, что
Петръ, Екатерина, почерпнули мно.

го полезнаго изъ лѣтописей Русской древности. Я стараюсь быть философомъ, и сношу насмѣшки отъ людей незнающихъ Истории своего Отечества. Я представляю вамъ, любители всего Русскаго, случай рѣдкой добродѣтели, гдѣ душевная доблесть во всѣхъ краскахъ явилась чиста.

Огонь, мечъ, ужасъ, Божій гнѣвъ распространяющіеся по Россіи; Батый, внукъ Чингисъ-Хана, извѣстнаго завоевателя, приводишь въ содроганіе человѣчество. Уже приближается онъ къ Рязанскому Княженію, съ намѣреніемъ удивить свѣтъ варварствомъ. Тогда на семъ Княженіи удѣльномъ княжилъ Князь Георгій Игоревичъ, Государь любившій своихъ подданныхъ, и увѣренный, что не можетъ пропустить силъ оружія Татарскаго; зная же склонность ихъ къ золоту, посылаетъ къ Хану ихъ, Батыею грозному, посломъ сына своего и наследника Рязанскаго престола, Князя Феодора, со многоцѣнными дарами и просьбою оставить его въ мирѣ.

Батый, довольный покорностію, принимаетъ дары съ радостию, и даетъ

слово Ханское не раззорять спраны Рязанскія, обратишь оружіе на другія княженія Русскія.

Уже готовы кони Князя Θεодора, готовы и онъ опъѣхашъ въ опечеснво, какъ получаетъ повелѣніе предспасть лицу Батмыя. Вспупаетъ въ спавку кичливаго врага, выслушалъ оскорбительную рѣчь. Я узналъ, говоритъ пиранъ Ташарскій, что въ Рязани находишся красота Россіи, прекрасная супруга швоя; повелѣваю тебѣ немедленно явишся съ нею предо мною. Вся швердоспъ героическая пошребна была Князю Θεодору дослышашъ душевно-оскорбительныя слова; молчалъ, попомъ возвыся голосъ, гордо, прилично *человѣку*, опвѣчаетъ: Князья, и вообще всѣ Русскіе неводяшъ женъ своихъ на посрамленіе; они готовы преишперпѣшъ всѣ ужасы мучишельной смерти, но не опспупяшъ опъ правилъ добродѣтели, и пребудутъ на всегда Россіянами; иди, завоюй Рязань, тогда и женами нашими овладѣешь; иначе не мни поколебашъ нашъ долгъ, нашу швердоспъ. Батмый раздражается сими словами, яроспъ во всѣхъ черпахъ лица его видна,

✱

пѣна клубится изъ устъ его, скрежещеть и приказываетъ предъ глазами своими умертвить Князя Θεодора. Сей умираетъ, претерпя всѣ ужасы мучительной смерти; пиранъ Тапарскій попирая бездыханный пруть, злобно осклабляется, и готовъ уже со многочисленнымъ воинствомъ предать огню, мечу, Рязань и всю Россію.

Опвратише! опвратише взоры свои! Боже! какое зрѣлище въ Рязани! со всѣхъ споронъ народъ толпился, бѣжитъ, волнуется, подобно страшной бурѣ; со стономъ тяжкимъ вопіетъ; тамъ спарцы, мужи, юность, дѣти, съ опчаяніемъ въ душахъ; тамъ дѣвы, жены, престарѣлые, съ распрепанными волосами, вздыхаютъ, поднимаютъ руки къ небесамъ; одна другую вопрошаютъ: какъ! что съ Княгиней сдѣлалось? опвѣта нѣтъ. Бѣгутъ подобно фуріямъ изъ мѣста къ мѣсту, порядка нѣтъ въ Рязани, и вдругъ, о! ужасъ, что съ ними вижу! Рязанская Княгиня Эвпраксія, едва вступившая въ двадцатую весну жизни своей, повержена лежитъ, вся окровавлена; дыханія нѣтъ, померкъ свѣтъ въ ея свѣт-

логолубыхъ очахъ, погасъ свѣпильникъ ея жизни, въ лицѣ примѣпна улыбка неба, лежишь разбиная на оспрыхъ камняхъ у подошвы высокаго перема, держа въ объятіяхъ двухъ-лѣпняго Іоанна, залогъ супружеской вѣрности, единую опраду въ опсупспвіи храбраго супруга Князя Θεодора. Младенецъ мерпвъ, но обхвапилъ ручонками вкругъ бѣлой шеи мапери своей.

Ахъ! почпо, жена молодая, пы убила такъ себя?

Когда Князь Θεодоръ опѣхаль къ Батю, супруга его, прекрасная Княгиня Эвпраксія, поспавляла долгомъ, удовольспвіемъ, съ сыномъ своимъ Іоанномъ, въ провожаніи женъ и дѣвъ Рязанскихъ гулять по рощамъ и долинамъ, по шѣмъ мѣспамъ, гдѣ ожидала вспрѣпипсья съ другомъ души своей.

Часто обращала слова свои къ быспро-текущему рукаву Оки рѣки. „Неси, Трубежъ, носи съ ппихими волнами вздохи мои къ любящему меня Θεодору; скажи ему первая волна, чпо спражду по немъ, чпо сынъ его улыбаепся къ нему, и чпо сія улыбка Ангельская уноспся

въперками къ землѣ пой, гдѣ и супругъ мой въ поскѣ проводилъ время., Часпо Княгиня всходила на высокой теремъ Княжескій, смопрѣла со слезами въ голубыхъ глазахъ на ту сторону, откуда милой другъ возвратится къ ней; такъ провела она нѣкоторое время.

Эвпраксія, съ упреннею Зимцерлою, въ прохладной Майской день, была уже на высотѣ терема; полдень соединился съ вѣками минувшими, какъ увидѣла гонца бѣгущаго, со стороны спана Тапарскаго; трепещетъ ея бѣлая грудь отъ радости; она мечтаетъ, восхищается; кажется ей, видитъ Князя Θεодора. Вѣспникъ достигаетъ высоты терема, съ мрачнымъ видомъ, со вздохами повѣспвуетъ случившееся со Княземъ милымъ ей.

Эвпраксія нѣжная пребываетъ въ молчаніи, покрываются ланины ея смертною блѣдностію, начинаетъ говорить голосомъ пронзающимъ душу cadaго: ахъ! почто, быспропечный Трубежъ, не-сешь ко мнѣ волны кровавыя? ты почто премѣнилъ печеніе? но волны твои не утѣрашаютъ меня. О! небеса! и такъ покоишься владыка души моей въ объятіяхъ

всепосѣкающей смерти; и такъ не увижу болѣе возлюбленнаго со оружіемъ въ рукахъ, блистающа среди полковъ своихъ! Кто же успокоитъ меня въ великой печали? . . кто защититъ меня отъ позорной любви ипирана кровожаднаго. Печальная луна! упѣшишь ли ты меня, несчастныхъ, проникни луною твоимъ облакомъ темное, дай увидѣть мнѣ милаго, я узнаю героя возторговъ моихъ, по тернѣмъ власамъ, по бѣлой, высокой груди его, — гдѣ часто покоилась я несчастная; узнаю, по взору быстрому, важному; узнаю, и въ умилении, въ радости сердечной испущу духъ свой. Такъ говорила сама съ собою прекрасная Эвпраксія. Потомъ обратясь къ сыну, продолжала: ты, невинность, утѣшеніе, будущая надежда матери и Княженія Рязанскаго, ты не долженъ пережить смерти родителя своего и видѣть безславіе матери . . . съ симъ словомъ бросилась съ высоты на камни, и кончила дни свои мучительно.

Вопль примѣръ супружеской вѣрности; онъ единственъ въ Исторіи древности. Ея смерть была причиною, что пали многія тысячи подъ разрушенными стѣнами

своихъ городовъ, не хопѣли покориться врагу люпому, и еспѣли бы согласіе тогда царспвовало между Князьями Русскими, не токмо Татпары, ниже какой другой народъ сильнѣйшій, не осмѣлился бы нападать на Россію, любезную мою родину.

Эвпраксія, героиня Русская, моя героиня, доселѣ кажепся неизвѣспная, мною въ лѣтописяхъ древноспи найденная, всегда пребудетъ памятна въ душахъ чувспвипельныхъ.

Пуспъ мучапъ меня многіе, пвердя, что лѣтописи Русскія преисполнены чудными невѣрояпноспями; я всегда читапъ съ перпѣніемъ буду ихъ; можетъ быпъ и другую Эвпраксію, героиню Русскую, опыщу въ скучныхъ книгахъ Славяно-Русскихъ, и снова щаспдивъ буду.

СЪКЕРИНЪ, РЕГУЛЬСКІЕ

СЪ РУССКИМИ НА КАВКАЗЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Въ благоуспроенномъ Государствѣ всѣ соспоянія полезны, благородны, необходимы; но когда люди по *видимому*, правиломъ поспавили себѣ, *жить въ вѣчномъ несогласіи*, по смѣло можно заключишь, что человекъ, посвятившій себя на защипу Опечеснва оружіемъ, есть благороднѣйшій и почтеннѣйшій. Россіяне въ эпомъ увѣрены, и по тому число героевъ нашихъ едва ли не всегда равнялось и равняется числу воиновъ. *Умереть или побѣдить*, было и будетъ закономъ каждаго Русскаго воина.

Сполѣпія въ вѣчноспи погребены были, и никпо не хопѣль вѣришь Иродопу Аликарнасскому въ помъ мѣспѣ испоріи его, гдѣ онъ описываетъ дѣйспвіе Леонида съ према спами Лакедемонянъ въ

Өермопильскомъ проходѣ. Исторія народовъ доказала истинну сію. Россіяне же болѣе прочихъ должны бытъ увѣрены о справедливости онаго описанія, чипая въ опечественной исторіи подобныя примѣры; горсть Русскихъ не рѣдко гнала тысячи; но нижеслѣдующее на правдѣ основанное происшествіе докажетъ свѣпу вѣроятности дѣйствія Царя Спаршанъ, и что можетъ человекъ сдѣлать, имѣя предметомъ вѣру, Опечество, Государя, присягу свою.

1803 года, девятаго Егерскаго полку Капитанъ Сѣкеринъ, стоявшій съ ротою своею въ Грузіи, при рѣкѣ Курѣ, въ деревнѣ Корели, увѣдомился, что Лезгинцы, укрывавшіеся въ горахъ, между Карпалиніею и Ахальцикомъ, напали на окружности сей деревни и опогнали скотъ. Рѣшительный Капитанъ собираетъ поспѣшно сорока четырехъ егерей, при двухъ Оберъ-Офицерахъ братьяхъ родныхъ, Поручикѣ и Подпоручикѣ Регульскихъ, идетъ на встрѣчу непріятелю, число котораго простиралось до осьми сотъ человекъ. Лезгинцы видя стремительность Россіянъ, оставили до-

бычу свою и предались бѣгству, или показали наружный видъ къ оному. Мужественный, но молодой Сѣкеринъ, забываетъ опасность, забываетъ число ополченія своего, спремился съ горстью героевъ, раздраженныхъ мыслию о убѣгающей отъ нихъ побѣдѣ, и горя непрерывнѣмъ сразиться, преслѣдуетъ непріятеля пять верстъ; но вдругъ видитъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ спрашною толпою Лезгинцовъ, укрывавшихся въ ущелинахъ горъ. Сраженіе началось. Сѣкеринъ три раза опрокидываетъ непріятеля съ большимъ со стороны ихъ урономъ, и потомъ чпобы казалось болѣе людей, выпягиваетъ егерскую цѣпь. Лезгинцы увидя сіе, кинулись на сабляхъ, и отрѣзали нѣсколько егерей, а Сѣкерина, всегда находившагося впереди, тяжело ранили въ ногу. Онъ уклонился въ сторону, и только чпо началъ перевязывать плапкомъ рану свою, какъ Лезгинцы усремляются прямо на него, дають неисчепные удары, и Сѣкеринъ истекаетъ кровію, радуясь, чпо исполнилъ долгъ свой, поручая храбрыхъ егерей Порупчику Регульскому, и ска-

завъ: *помни, что Рускіе не сдаются, испускаетъ духъ.*

Регульской, огорченный невозвратною попереею Капитана, своего друга, лепишь предъ оспалкомъ Россіянъ, повергаетъ непріятелей десятками, поражается, и повпоря меньшому брапу своему начальничьи слова, падаетъ мерпвъ. Юный Регульскій, разпроганный лишеніемъ Капитана и брапа, кричитъ солдапамъ: *циремъ, друзья!* Всѣ повпорили, *циремъ*, и напали на Лезгинцовъ; смерпоносная пуля свиспишь, и шесспнаццапильпняго Регульского не спало.

Такъ кончили дни свои, неуспрашиваемые. Покойпесь, благородные! ваши слова переходя изъ успъ въ успа, получили свяпоспъ закона и проникли до сердець Россійскихъ воиновъ, копорымъ добровольная смерть выше всякой похвалы.

Лезгинцы видя изнеможеніе оспальныхъ егерей, неоднократно кричатъ имъ: *сдавайтесь.* Но душевныя силы замѣнили пѣлесныя; мужеспвенные рапники, внимая гласу поверженныхъ начальниковъ, бросающся въ средину непріятеля, окру-

жають себя мершвыми тѣлами, падають всѣ до единого, имѣя предметомъ Опечеснво, ИМПЕРАТОРА своего АЛЕКСАНДРА, славу.

Между тѣмъ ближайшая рота того же полку пришла на помощь, но судьба мужеспвенныхъ рѣшена была; оспалось только чепыре чловѣка раненыхъ; они передали поварищамъ своимъ подробно-сти сего равно гореспнаго и славнаго дѣйсвія.

Холодныя души! вы не чипайте сихъ спрокъ; нѣтъ, пробѣгите глазами и произнесите свой приговоръ; а я на всегда почту себѣ первымъ душевнымъ удовольспвіемъ узнавать подобныя дѣла, и предавать оныя попомспву.

Памятники героевъ будутъ, современ-ный міру Кавказъ, быспрая рѣка Кура, и тѣ самые народы, которые до при-шеспвія Россіянъ почипались непобѣдимыми.

Каждый чипапель, съ душою благо-родною, конечно пронупъ, прольетъ слезы и съ чувспвомъ сердечнымъ про-изнесетъ имена Сѣкерины, Регульскихъ, и почпипъ память неуспрашмыхъ егерей.

Примѣръ сихъ убіенныхъ на долгое время пребудетъ живошворящимъ пламенемъ для Россійскихъ воиновъ и ужасомъ для нашихъ враговъ.

Девятого егерскаго полку Офицеры воздвигли въ Корели памятникъ Съкерину и Регульскимъ, и память сихъ героевъ пребудетъ незабвенна.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ

Съ Русскими на Куликовомъ полѣ.

Увѣнчанная неувядаемыми лаврами, проспранная изъ всѣхъ земель Россія, познала такъ же въ свою чреду плѣнь иновѣрцовъ; были времена, когда и она, съ померкшимъ вѣнцемъ на главѣ, подпала игу варварскаго народа — Тапаръ; подпала и непреставала изнуряема быль междоусобными враждами, воспламенявшимися болѣе опъ того, что каждый Князь, получа опъ Тапарскаго Хана на княженіе свое особливую грамоту, не хопѣлъ подчиниться Великому Князю, и почипалъ себя ни опъ кого независя-

щимъ, и смѣло назывался Великимъ Княземъ.

Сии неустройства, низпровергшія единоначаліе, *благоденствіе народовъ*, укрѣпляли власпъ попомковъ Чингисъ-Хана, приводили въ изнеможеніе Россію и подавали случай другимъ народамъ безъ всякаго сопротивленія нападать на предѣлы ея, покоряпъ страны смежныя со своими, или оставляпъ вездѣ слѣды ужасовъ кровопролитія и опустошенія. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи пребыла Россія съ 1237 года до 1462, или до царствованія Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, сына Темнаго, что составляетъ 225 лѣтъ.

Прошekli уже сто сорокъ три года со времени, какъ Россія, покоренная игу Тапаръ, спонала еще подъ тяжеспію огромныхъ цѣпей иновѣрцовъ; спонала, и только споны ея опзывались въ дремучихъ дубравахъ. Великіе и Удѣльные Князья, собспвенно о себѣ помышляя, своими раздорами распроивали по равновѣсіе согласія, копорымъ единспвенно могли разорватъ узы удручающія ихъ подданныхъ.

Они не забыли искусства воевать, они упражнялись въ военномъ дѣлѣ, они вели кровопролитныя войны, но только для славы собственной своей; они разпространяли предѣлы своихъ Княженій, торжествовали одержанныя побѣды надъ Поляками, Шведами, Лифляндскими рыцарями и другими народами, но только для насыщенія честолюбія своего; тогда, когда Россія, мать всѣмъ имъ, вопіяла къ небесамъ; когда обширныя земли ея упоены были кровію; когда грады, селенія, въ сѣпи превращались, поля орошались не дождемъ, — слезами вдовъ и сиротъ; когда въ храмахъ не слово Божіе, — ржаніе конское слышно было; Россія колебалась, какъ спрашная кремнистая гора; уже слышны были прески, грохотъ въ поднебесной повпорялся: Россія рушится, — падаетъ; — но нѣтъ, сильною рукою Безначальнаго удержано паденіе; Онъ услышалъ моленія ея, и се:

Восходишь къ опрадѣ Россіи, къ опрадѣ полшара земнаго, къ опрадѣ чело-вѣчества, на Велико-Княжескій Московскій престолъ, какъ солнце, послѣ мрака

и страшной непогоды, Князь Димитрій Иоанновичъ, красивъ, осанистъ, величавъ въ шѣхъ лѣпахъ, когда слава болѣе нежели въ какое другое время жизни, питаетъ душу и родитъ великихъ людей свѣту. Сему-то юному владыкѣ льдистыхъ странъ предоспавлено Вездѣ-сущимъ проложитъ путь къ освобожденію любезнаго ему опечества изъ подѣига Татарскаго. Такъ, Князь Димитрій, мужества и великодушія преисполненный Государь, соболѣзнуя о спраждающей Россіи, началъ первый помышлять объ уничиженіи рабскаго ея соспоянія, попыщился извлечь изъ постыднаго уничиженія, и для того о подпвержденіи себя на Велико-Княжескомъ Московскомъ престолѣ Татарскаго Хана Мамаю просить не хощѣлъ.

Таковымъ поступкомъ Димитрія раздраженный Мамай поднялся, двинулся со своими безчисленными силами, раздавить Россію. Сіе безчеловѣчное намѣреніе шѣмъ казалось ужаснѣе, что Рязанскій Князь Олегъ, и Князь Липовскій Ягайло, ополчились съ Мамаемъ вмѣстѣ терзать свое Опечество.

Спрашная сія молва мочными своими раменами раздирая воздухъ, пропекшая пространства, доспигаетъ полнощной спраны, слуха Великаго Князя Димитрія, доспигаетъ тогда, когда казалось, благородное чувство, любовь къ Опеческву, погасло, чуждо было Россіянину; казалось . . . ибо едва Князь Димитрій разослалъ повелѣнія Удѣльнымъ Князьямъ и правителямъ своихъ земель, приказывая имъ, да соберутъ войска и ведутъ подъ хоругви его, какъ съ радостію со всѣхъ сторонъ спекаются на поприще славы, ратоборствуютъ съ Княземъ своимъ для спасенія Опеческвѣ опъ всеконечной гибели.

Уже въ окрестностяхъ Московскихъ развѣвались знамена, уже слышанъ гласъ воинскихъ трубъ, уже на шеломахъ соколы перья колебались, уже звучатъ оружіемъ, гоповы всѣ раздѣлилъ славу и опасность съ Великимъ Княземъ Димитріемъ. Онъ одинъ токмо, при всей молодости своихъ лѣтъ, и горя желаніемъ прославиться, болѣлъ, яко отецъ чадолюбивый, о своихъ подданныхъ, старался опвеситъ ужасную сію бурю безъ кровопро-

липія; по чему съ согласія и совѣта Московскаго Митрополита Кипріяна назначилъ посломъ избраннаго и благоразумнаго мужа Захара Тюпчева со многими дарами къ Мамаю, дабы снискасть пріязнь его и утвердитъ миръ въ обширныхъ справахъ своихъ.

Тюпчевъ въ Ордѣ привѣтствуетъ Мамаю: „Государь нашъ, Великій Князь, въ Опечесствѣ своемъ здравствуетъ, и твоего Государскаго здравія присла мя вопросиши, и сіи дары присла Царскія ради почести.“ Мамай, упоенный гордостію, не удостоилъ Тюпчева возрѣнія, дары повелѣлъ роздать воинамъ своимъ: возмите себѣ, и купите плети на кони свои, злато и серебро Князя Димитрія будетъ мое, землю же его раздѣлю служащимъ мнѣ, а самого приставлю пасти стадо верблюжье. Тюпчевъ на несмысленныя сіи слова отвѣчалъ съ благородною смѣлостію, со смѣлостію прилично Россіянину: „Недостойна таковая рѣчь Государя моего; Богъ единъ располагаетъ судьбою царствъ, а не ты.“ Сіе благородство мыслей такъ раздражило предстоящихъ Тапартъ, что

*

они было бросились съ обнаженными мечами на Тютчева. Мановеніе Мамай удержало ихъ запальчивоспъ.

Мамай, хопя и варваръ, былъ однако пораженъ неустрашимоспю Тютчева; по чему и спарался обольспипъ его. Сей умѣлъ припворяпъся, снискалъ дружбу Мамай, обѣщавъ, по совершеніи поспьспва, возврапипъся въ Орду, спужипъ ему. Ханъ оппущилъ Тютчева и съ нимъ опправилъ нѣсколько любимцевъ своихъ, съ грамопою опъ себя къ Димипрію Московскому. *)

*) Грамота Хана: Опъ воспочнаго Царя, опъ большія Орды, опъ широкихъ полъ, опъ сильныхъ Ташаръ, Царь Царей Мамай и многимъ Ордамъ Государь. Рука моя многими обладаетъ и десница моя на многихъ облежипъ. Рашаю нашему Дмипрію Московскому.

Вѣдомо пип еспъ, яко улусы нашими обладаетеши, а нашему царспву, пришедъ, не поклонипшися; да еспъ пип вѣдомо, днесъ рука моя хочепъ пип казнипи; аще еси младъ, то пріиди ко мнѣ и поклонися ми, да помилую пип, и въ пвое мѣспю оппущу пип царспвовати; аще ли сего не сппвориши, вскорѣ вся грады пвоя имамъ раззорипи и огню предапи, и самаго пип велицѣй казни предамъ.

Тютчевъ по прибытіи на Оку рѣку перевязалъ пословъ Тапарскихъ, изорвалъ грамоту, и отправилъ къ Мамаю; самъ же пріѣхавъ въ Москву, донесъ о произшедшемъ Государю своему Димитрію.

Беликій Князь возблагодаря и щедро наградя Тютчева, далъ знать подданнымъ о его посольствѣ и о его поступкѣ Геройскомъ, и что настало время выступитъ врагу на встрѣчу.

По семъ объявленіи, 27 Августа 1380 года, Дѣвичье Поле, не далеко отъ Коломны стоящее, покрылось ратью Русскою. На семъ-то полѣ Великій Князь назначилъ каждому полку и мѣсто. Подъ свое начальство взялъ Князей Суздальскихъ съ полками ихъ, бѣ бо удалы зѣло и мужественны; правую руку далъ двоюродному брату своему Князю Володимиру Андреевичу, подъ знаменами коего стояли крѣпко Князья Ярославскіе съ полки свои; лѣвое крыло далъ Князю Брянскому Глѣбу; въ передовомъ полку начальниками были два брата Димитрій и Володимиръ Всеволодовичи, подъ предводительствомъ коихъ были полки и воеводы: Коломенскаго полку вое-

вода Микула Васильевичъ Тысяцкій, Володимирскаго и Юрьевскаго Тимофей Валувъ, Коспромскаго Иванъ Родіоновъ, Переяславскаго Андрей Сарказовъ, Бѣлозерскаго Князь Θεодоръ Романовичъ Бѣлозерскій; а у Князя Володимира Андреевича Воеводы: Данило Бѣлоусовъ, Констанпинъ Канановъ, Князья: Θεодоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и многіе другіе Князья, Бояре, при копорыхъ Дворянскіе и Боярскіе дѣпи были.

Какая неописанная радость юнымъ рапникамъ, бытъ на бранномъ полѣ, на спези славы, подъятъ великъ подвигъ, сражапсья при лицѣ Государя, бытъ сподвижниками съ посѣдѣвшими на браняхъ воипелями, для спасенія Опечеспва. Всѣ единодушно желали побѣды или смерпи. Въ сіе-то время Великая Княгиня Московская Евдокія, урожденная Княжна Суздальская, прекрасна какъ весенній день, благопворна какъ Майскій дождь, выходитъ изъ высокаго перема, сходитъ съ Краснаго Крыльца, идетъ благородною пихою поступью изъ града Москвы. Спыдливыя Московскія красавицы сопровождаютъ Государыню свою на Поле Дѣвичье, гдѣ

рапное Русское войско готово было выступить на встречу врагу лютому. Великая Княгиня Евдокия приветствует супруга, милаго ей Князя Димитрія, приветствует всю паляницу Русскую, проливаетъ токи слезъ, помышляя, что Татарскія, ядомъ напоенныя стрѣлы, будутъ наносимы на грудь любимаго ею Князя, на груди подпоръ Отечеству; но вдругъ исполнясь духомъ Героини, утираетъ горячія слезы съ прочими героинями, молитъ, проситъ, Князя, Князей, Бояръ и рапниковъ, да снѣшатъ иппи спасать Отечество отъ грознаго непріятеля.

Удивленные геройствомъ Княгини, и сопровождающихъ ей героинь, Русскіе воины, воспалась огнемъ войны, могутъ ли быть не храбры? Каждый льститъся на возвратъ получить за личные подвиги вѣнокъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, отъ Государя, а другой изъ полевыхъ цвѣтовъ отъ милыхъ имъ.

Труба воинская трубитъ еще, рапники въ боевомъ порядкѣ, бьются сердца отъ неперенія, ждуть знака Княжескаго, выступаютъ съ Поля Дѣвичьяго. Гласъ трубный умолкъ; по знаку Княже-

скому, ударили въ щипы воишели полунощи; двинулись въ ту страну, гдѣ ожидали встрѣпипъ супоспапъ; красны дѣвы, жены Русскія, съ великою Княгинею съ спокойспвіемъ на лицахъ, съ увѣреніемъ въ душахъ о побѣдѣ, возвратились въ бѣлокаменную Москву.

Великій Князь пошелъ съ Коломны съ силами своими и оспановился у рѣки Оки; здѣсь присоединились къ нему воевода Тимофей Васильевъ, съ оспавшимъ войскомъ подъ Москвою, гдѣ были Князья Курскіе со своими храбрыми воинами. Давно Курчане въ пѣсняхъ славились; они-по подъ гласомъ трубъ повипы, подъ шело-момъ возлелеяны, концемъ копья вскормлены. Сіи Курчане по приказанію Великаго Князя соспавили спорожевые и западные полки.

За два дни до Рождеспва свяпья Богородицы, чудотворный спарецъ, преподобный Игумень Сергій, прислалъ грамоту къ Великому Князю, въ копорой, по благословеніи, богоугодный мужъ приказывалъ Князю Димитрію сразипсья съ Тапарами, съ упованіемъ на Бога и Спящую Троицу.

Седьмаго Сентября, Великій Князь Димитрій, оспановилъся на Куликовомъ По-
лѣ, въ сѣранѣ Тульской, при устьѣ рѣ-
ки Неирядвы, впадающей въ Донъ; бра-
та же своего Володимира Андреевича
оппустилъ вверхъ по Дону въ дубраву
зелену, давъ ему въ западный полкъ и
другихъ доспойныхъ и своего Двора из-
бранныхъ мужей; съ нимъ же оппустилъ
извѣстнаго воеводу Димитрія Бобракова,
который уже поспавилъ все войско въ
боевой порядокъ; самъ же Димитрій воз-
ложя на себя доспѣхи, разѣзжалъ на
бранномъ конѣ по Куликовому Полю, по
полю велику, пверду, ровну. Тапарская
сила начала показываться со стороны
рѣки Мечи; Русская пакъ же по наведен-
нымъ мостамъ перешедъ, и въ бродъ до
персей переплывъ Донъ, двигалась впередъ.
Такимъ образомъ начали сближаться обѣ
силы. Великій Князь проѣзжая ряды, вос-
пламенялъ рапниковъ къ мужеству и не-
устрашимости. Упвердя оныхъ въ томъ,
подъѣхалъ подъ свое черное знамя, со-
скочилъ съ коня, совлекъ съ себя при-
волоку царскую, и призва наперсника
своего Михайла Андреевича Бренника

Воронцова, велѣлъ ему сѣсть на браннаго коня своего, приволоку царскую возложилъ на него и всею ушварью царскою украсилъ его и свой великій черный спягъ (знамя) велѣлъ рындѣ своему надъ Бренникомъ возипи.

Вся ночь пропекла въ приуготовленіяхъ. Осьмаго Сентября, въ день Рождества Богородицы, въ субботу, при восходѣ солнца, бысть мгла велика по всей земли до прешьяго часа; однако Великій Князь среди мглы видень былъ, въ простомъ одѣяніи рапника разѣзжалъ вдоль рядовъ войска своего, неперпѣливаго вспунипъ въ бой — *и се Господь повелѣтъ ѹступити, и свѣту пришествіе дарова: тако ѹслышано моленіе рати Руской.*

Гласъ трубный раздался и повпорился во всѣхъ концахъ; спорожерые, а потомъ и передовые полки съ обѣихъ силъ начали сходипись: уже оба многочисленныя войска въ виду; спрашно было видѣнь двѣ силы великія, на десяти верстахъ пространства, готовящіяся на кровопролитіе, на скорую смерть. Но Татарская сила, мглою еще покрытая, темнѣлася въ дали какъ мрачная ночь; а

Русская рапъ въ свѣшлыхъ, спальныхъ и враннаго цвѣта доспѣхахъ, такъ какъ рѣка лилася, или какъ море, при началѣ бури, волновалася; къ тому же солнце яркими своими лучами, упираясь на доспѣхи молодыхъ, спашныхъ Русскихъ воиновъ, разливаясь по онымъ, въ дали казалось видѣть шму солнцъ блестящихъ.

Нечеспивый Мамай съ любимцами своими всходитъ на самую крупизну высокаго берега Мечи рѣки; возсѣлъ, чпобъ зрѣть кровопролитіе *теловѣческое*.

Се часъ наспаль смерти; съ одной стороны Татарская сила, а съ другой Великій Князь Димитрій съ Русскими сближались; Русскихъ было около 400 тысячъ, а Татаръ вдвое больше.

Уже сходящимся обѣимъ силамъ, опдѣляется опъ полчищъ Татарскихъ богатырь Темиръ Мирза Челубей, исполинскаго роста; мужественъ и силенъ всѣмъ казался; выѣзжаетъ на спашномъ конѣ, вызывая съ наглою улыбкою пропивъ себя охотника биться одинъ на одинъ, и бѣ всѣмъ спрашенъ, и неидяше ни кпоже.

Тогда инокъ Сергіевъ *) Пересвѣпъ съ дозволенія Княжескаго выѣхалъ бодро пропивъ сего новаго Голіафа. Пересвѣпъ въ мірянахъ былъ славный богатырь, величиною и широкою всѣхъ превзойде, воинское дѣло и порядокъ зналъ; возложъ на себя свящую схиму, выѣзжаетъ на борзомъ конѣ пропивъ Челубея. Тапаринъ неуспрашимо нажидалъ, и вдругъ лепятъ одинъ на другаго какъ орлы на добычу, рыкаютъ яко львы Ливійскіе — мигъ — сошлись, схватились и ударились такъ крѣпко, громко, сильно, что оба пали бездыханны. Казалось земля отъ сего паденія испустила стонъ, и кони ихъ въ поже время мертвы были. Увидя сіе Великій Князь Димитрій, сокрушился душею о Пересвѣпѣ, и распалясь гнѣвомъ на Тапаръ, повелѣлъ полкамъ своимъ со всѣхъ сторонъ наступать на нихъ, говоря: *Богъ намъ прибѣжище и*

*) Великій Князь Димитрій, снаряжаясь въ походъ, былъ въ живоначальномъ Троицкомъ Монастырѣ; тамъ принялъ благословеніе отъ Чудотворца Сергія, который отпустилъ съ нимъ двухъ мужественныхъ монаховъ Пересвѣпа и Осяба.

сила; сіе мѣсто да будетъ гробомъ намъ. Рапники воскликнули: съ нами Богъ! и бросились на Тапаръ, яко пигры уязвленные. Такимъ образомъ обѣ силы великія вступили въ бой, и бысть брань крѣпка и съча зла зѣло; кровь лилась подобно ручьямъ воднымъ; падали мертвы безчисленное множество съ обѣихъ силъ. Тамъ въ ярости Тапаринъ вращаетъ ужасной величины палицу, занесъ на Русскаго воина, сраженъ конемъ палъ бездыханенъ, кровь клубилъся изъ язвъ его. Здѣсь молодой Курчанинъ прободенъ булавымъ копьемъ Тапарскимъ, доспаетъ мечемъ главы Тапарина — валяпся вмѣстѣ мертвые. Тамъ кровь Христіанская съ нечеспивою смѣсилася; мертвыми трупами покрылось обширное поле рапное. Здѣсь конь уязвленъ стрѣлою ржелъ, пышетъ, и кидаетъ съ себя всадника. Уже много сановитыхъ Князей, Бояръ и воеводъ было убито, и Великаго Князя Тапары съ коня сбили и ранили его жестоко. Великій Князь, видя почашую кровь изъ ранъ своихъ, уклонился въ дубраву, возлегъ на сыру мапъ землю, подъ древо многолѣвенно и лислвенно;

съ сего мѣста скорбнымъ окомъ смотрѣлъ на кровопролитное сраженіе. Онъ видѣлъ, какъ великій черный спягъ его былъ подсѣченъ, и наперсникъ его Бренникъ палъ съ коня, невозвратно для Опечества.

Битва продолжалась съ шестаго часа даже до девятаго; Тапары начали одолавать, и мечпали, что одержали совершенную побѣду, — мечпали, ибо скоро вышли изъ сего заблужденія, и кичливоспъ ихъ унижена.

Солнце склонялось къ западу и *Господь призрѣ милостивыми очами на полки Христіянскіе*; каждый рапникъ, какъ бы невидимо, свѣще укрѣпленъ; съ упованіемъ на Творца, всѣ бросились на безбожныхъ; между тѣмъ Князь Володимиръ Андреевичъ, съ мудрымъ и храбрымъ Боброкомъ, преклонясь на дебелыя копья, внимательнѣе созерцали битву, удерживали вопелей своихъ отъ нападенія; внезапно раздались опять радостныя клики Тапарскіе, возвѣщающіе побѣду на ихъ сторонѣ. Тогда Князь Володимиръ, и непобѣдимый Боброкъ, лепяшъ съ западными полками изъ засады, ле-

пять на крыліяхъ неустрашимости и любви къ Отечеству, подобно стрѣлѣ пущенной мочною рукою. Спремятся на Ташаръ, врѣзались въ полки ихъ, звучащъ оружіемъ, ударяють, разящъ и повергають тысячами. Вездѣ слышны стоны умирающихъ, вездѣ видны лежащія по воздуху преломленные копья, мечи, палицы; на правѣ спруишся кровь ручьями.

Ташары устрашенные внезапнымъ симъ нападеніемъ, мяшущся, спрояшся, сражаясь бѣгутъ и возвращающся. Ужасъ объялъ нечестивыхъ; вопіють всѣ къ Мамаю, и онъ къ нимъ: *великъ Богъ Христіанскій, и велика сила Его*; бросающся съ крупныхъ береговъ Мечи рѣки, поглощающся волнами, и уносятся быспропою ея.

Гордый Мамай спремительно кидается съ крупизны, спѣшишъ на конь, и съ нѣсколькими Ташарами предаются бѣгству по не *готовымъ* дорогамъ. Весь станъ Ташарскій, богатство ихъ, доспалось Русскимъ. Великій Князь Димитрій хотя и одержалъ побѣду, но не могъ совершенно бышъ довольнымъ. Удрученный ранами и горестію, видя семь часпей

своего войска убитыхъ, возвращаеиця въ Москву, гдѣ принявъ съ рукоплесканіемъ и проименованъ Донскимъ.

Послѣ спрашнаго сего сраженія, продолжавшагося почти десять часовъ, Россіяне хопя и не освободились изъ подъ ига Таптарскаго, но преспали плащивъ подаивъ.

Правнуку Донскаго, Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу, чрезъ восемьдесятъ два года предоспавлено Превѣчнымъ, не токмо освободивъ Россію изъ подъ ига Таптарскаго въ 1462 году, разбивъ на голову Ахмепца при рѣкѣ Угрѣ, но и покориивъ нѣкопория Царства Таптарскія.

Нынѣ всѣ бывшія Орды Таптарскія: Мунгальская или золопая, Капчапская или Сѣверная, Нагайская, Крымская, Аспраханская, Казанская и Симбирская подъ сѣнію АЛЕКСАНДРА I, Мочнаго Монарха Сѣвера, благославляюивъ минуиу плѣненія своего, и съ побѣдипелями своими Россіянами наслаждаюивъ покоемъ и счасіемъ.

ГРАФЪ ОРЛОВЪ, СПИРИДОВЪ

И ИЛЬИНЪ

СЪ РУССКИМИ ПРИ ЧЕСМЪ.

Часто святая истинна заимѣвается; однако добродѣтельные люди и Герои никогда не лишаются надежды, ежели современники не познають ихъ подвиговъ, попомощью увѣковѣчитьъ достоинства, заслуги, и слава изліется на дѣтей ихъ, и достойные мужи будутъ житьъ увѣнчанные лаврами въ наслѣдникахъ своихъ. Истинна пропекая вѣки, очищается, подобно воднымъ источникамъ, между каменьею капающимъ. Великіе люди минувшихъ вѣковъ: Сократы, Леониды, Регулы, Катоны, Философовы, Гермогены, Нарышкины, Матвѣевы! Вы лишились жизни, но души ваши обитаютъ съ нами, но добродѣтели ваши восхищаютъ насъ, но слава дѣлъ похвальныхъ, переходя изъ успѣ въ успѣ, получаетъ свяпость закона. Слава, повѣряю, не умираетъ, но поколѣніе поколѣнію, со слезами благословляя, передастъ имена великихъ мужей.

Кто истинно Россіянинъ и не знаетъ, что Россійской флагъ развѣвалъ порже-спвенно на Черномъ морѣ въ 1770 году, что собиралъ лавры въ Архипелагѣ и у береговъ Азіи; кому не оправдно воспоминашь времена подобныя наспоющимъ, когда сердце Оппоманской Порпы потряслось среди ужасовъ окружавшихъ его, когда изумленная Европа уже видѣла изгнаніе Турокъ въ страны Азіяпскія; но Милосердая ЕКАТЕРИНА II, Великая, даровала миръ поклонникамъ Магомета, павшимъ съ колѣнопреклоненіемъ къ подножію престола Сѣверной Владычицы? Но подробности Чесменскаго боя конечно займутъ благоразумнаго читателя, и онъ съ чувствомъ признательности опдасъ справедливостъ Героямъ сей битвы, и поднесетъ лавровый вѣнокъ неуспрашимоу, но забытому до АЛЕКСАНДРА I, Герою Дмипрію Ильину.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ прибывъ изъ Мореи къ споронѣ Азіи, съ двумя линейными кораблями, тогда только взялъ главное предводительство надъ всѣмъ флотомъ, когда узналъ, что

Конпръ-Адмираль Элфинстонъ соединился уже со своею эскадрою при берегахъ Мореи, съ эскадрою Адмирала Спиридова, и что онъ же Элфинстонъ на пупи своемъ, съ подкрѣпленіемъ нѣсколькихъ кораблей Адмиральской эскадры, гналъ непріятеля, который на всѣхъ парусахъ бѣжалъ къ предѣламъ Азіи.

Первое попеченіе Графа Орлова было, записать провіантомъ и водою; что исполня съ раченіемъ и скоро, съ благополучнымъ въпромъ, чтобъ не упустить непріятеля за Дарданеллы, пустились искать онаго. Подъѣзжая къ острову Хіо, увѣдомились, что Турецкой флотъ находится въ каналъ за онымъ островомъ. Для удостовѣренія сихъ слуховъ опряженъ былъ шуда корабль Роспиславъ съ Конпръ-Адмираломъ Грейхомъ, который по возвращеніи объявилъ, что усмотрѣлъ непріятельскій флотъ ходящій подъ парусами въ девяти большихъ корабляхъ; но какъ уже солнце спустилось за горизонтъ, то положено лавировать во всю ночь въ устьѣ онаго канала, а на разсвѣтъ войти шуда.

Исполнивъ все по предписанію въ назначенный часъ и увидѣвъ стоящаго не-

пріятеля въ боевомъ порядкѣ, убавили парусовъ, чпобъ дождашся опспавшихъ судовъ. По приближеніи копорыхъ главные начальники, съѣхавшись вмѣспѣ, сдѣлали расположеніе къ атакѣ слѣдующимъ образомъ: кораблямъ Адмирала Спиридова сочиняпъ передовой спрой боя, а кораблямъ Графа Орлова средній, спорожевый же спрой поручень Эльфинспону.

Едва разѣхались начальники по своимъ мѣспамъ, данъ былъ сигналъ съ корабля Трехъ Іерарховъ, спроипся къ бою по вышесказанному росписанію и иппи къ атакѣ. Передъ всѣми былъ корабль *Европа*, потомъ *Евстафій*, *Три Святителя*, *Іаннуарій*, пятымъ *Три Іерарха*, *Ростиславъ*, *Петронъ меня*, *Святославъ*, девятымъ *Саратовъ*, а два фрегапта къ назначенному времени не подоспѣли.

Въ семь порядкѣ 24 Іюня, въ прекрасное время, въ половинѣ двенадцатаго часа, подошли къ Турецкому флоту, копорой споялъ однимъ крыломъ примкнувшись къ мѣли и къ небольшому каменному острову, другимъ пропнулся къ порту называемому Чесме, находясь въ весьма выгодномъ положеніи.

Турки примѣтя приближеніе наше къ себѣ, встрѣпили ужасною пальбою со всего флота. *Европа* вступилъ въ бой, который въ половинѣ перваго часа сдѣлался общимъ. *Евстафій*, на которомъ былъ нашъ заслуженный Адмиралъ Спиридовъ, съ несказаннымъ терпѣніемъ и мужествомъ выдерживалъ всѣ непріятельскіе выстрѣлы, подходя къ нимъ ближе; а пришедъ въ мѣру открылъ свой огонь безъ умолка, и съ такою жестокостію, что непріятель почувствовалъ великій вредъ, однако не преспавалъ съ разныхъ кораблей осыпая оный ядрами. Въ сіе время вступили въ сраженіе корабли *Трехъ Святителей* и *Іаннуарій*, выдвинувшись впередъ. Вскорѣ и корабль Главнокомандующаго *Трехъ Іерарховъ* спалъ сражаясь, а за нимъ послѣдовалъ *Ростиславъ*, на коемъ находился Князь Юрій Долгоруковъ. Корабли спорожевые, *Эльфинстона*, спояли въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Какое ужасное зрѣлище! Ударъ за ударомъ; пушечные выстрѣлы сливаясь, производили непрерывный громъ. Дымъ успилался такъ густо въ воздухъ, что скрывалъ корабли и непріятельскіе и свои;

солнечные лучи при всемъ своемъ блескѣ, не дѣйствительны, померкли. Свиспѣ ядеръ, летающихъ со всѣхъ сторонъ, вездѣ опасности; смерть ослабляясь, радостно переходила съ корабля на корабль; все ужасное было въ виду; но ничто не было сильно, поколебать мужество Россіянъ; робость не находя мѣста въ сердцахъ Русскихъ, ослѣпла ко врагамъ; паника нашла пристанище. Россіяне при лицѣ вселенныя поспоянно доказали, что они истинные сыны Отечества и достойные подданные Великаго ЕКАТЕРИНЫ; безъ страха сражались со врагомъ имени Христова.

Въ самомъ жесточайшемъ сраженіи были четыре корабля: Евстафій, Три Свяшителя, Іаннуарій и Три Іерарха. Наконецъ корабль Евстафій сѣлся съ кораблемъ главнокомандующаго Турецкимъ флотомъ, производилъ и въ самое то время пушечную и ружейную пальбу, отъ чего оный и загорѣлся. Корабль Трехъ Іерарховъ, лежа на якорѣ, и сражаясь съ двумя непріятельскими, увидя въ опасности мужественнаго Адмирала Спиридова, тотчасъ отрубя якорь, изго-

повился къ абордажу; но примѣтя, что непріятельскій корабль горитъ, принужденъ былъ принятое намѣреніе оставить, давъ сигналъ, чѣобы всѣ военныя шлюбки поспѣшали къ Евстафію.

Подгорѣвшая у Турокъ мачта упала поперегъ на нашъ корабль, сцѣпившійся и почти уже завладѣвшій онымъ, и пѣмъ въ пламень привела и нашъ. — Какое явленіе! въ самомъ скоромъ времени послѣ того съ ужаснымъ громомъ нашъ корабль взорвало, за которымъ послѣдовалъ и непріятельскій.

Споль жестокая и неустрашимая съ нашей стороны атака привела Оппо-манскій флотъ въ препешъ; они опрубя якоря и поднявъ парусы, предались бѣгству въ великомъ смятеніи въ порпъ, подъ защищеніе крѣпости Чесме. Графъ Орловъ поднявъ всѣ парусы на корабль Трехъ Іерарховъ, успремился въ самую средину непріятельскаго флота, но не могъ догнапъ, за легкостію Турецкихъ кораблей.

Вскорѣ весь флотъ нашъ обрадованъ былъ извѣстіемъ, полученнымъ о спасшихся съ корабля Евстафія, между ко-

порыми находился Адмиралъ Спиридовъ, Капитанъ Крузъ и братъ Главнокомандующаго Графъ Θεодоръ Орловъ.

Послѣ сего кровопролитнаго сраженія сдѣлано распоряженіе, запереть непріятельскій флотъ со всѣхъ сторонъ въ гавани, служившей оному убѣжищемъ; что вскорѣ и исполнено. Одинъ бомбардирскій корабль наряженъ для бомбардированія непріятеля, которой цѣлые сутки причинялъ ему и вредъ и безпокойство. Непріятель съ своей стороны изготовилъ на берегу большую батарею, и поставилъ на оной болѣе двадцати пушекъ. Между тѣмъ наши приготавливали четыре брандера.

На другой день, по собраніи совѣта, положено было производить атаку ночью; для чего и назначены были четыре корабля: *Непрѣмъ мѣня*, *Ростиславъ*, *Саратовъ* и *Европа*, и два фрегата, подъ начальствомъ Конпръ-Адмирала Грейга.

Подъ симъ прикрытіемъ слѣдующую ночь, призвавъ Господа силъ въ помощь, брандеры и отправлены, на которыхъ посланы были явившіеся къ тому охотники, двое изъ Россіянъ и двое Англи-

чанъ нашей службы; прочимъ же кораблямъ велѣно бысть въ готовности для подкрѣпленія. Непріятель примѣпя идущихъ, началъ производить ужасный огонь со всѣхъ своихъ кораблей и съ берега; Россіяне не оставались безъ дѣла, производили такъ же пальбу. Опшпоманскіе корабли начали загораться, но пожары тогда же были попушаемы ими, пока наконецъ загорѣлся на одномъ ихъ корабль Марсель, чпо примѣпя Конпръ-Адмираль Грейгъ, переспалъ производить стрѣльбу, и велѣлъ иппи съ Божіею помощію брандерамъ. По чему нимало, неоспанавливаясь брандеры, исполнили свою должностъ съ великимъ терпѣніемъ и неустрашимостію, по данному имъ наспавленію, съ желаемымъ успѣхомъ; *въ темѣ отлѣнно отлитися господинѣ Ильинѣ, который подошедъ къ Турецкому кораблю, съ полнымъ экипажемъ находящемуся, въ глазахъ ихъ положилъ брандскцгель въ корабль, и зажегши брандерѣ, безъ всякой торопливости, съ присутствіемъ дѣха, въ виду обоихъ флотовъ, возвратился назадъ.*

Опъ корабля и брандера зажженныхъ Ильинымъ (*) увидѣли вдругъ въ разныхъ мѣстахъ загорѣвшійся флотъ непріятельскій, узрѣли и побѣду свою совершенну.

(*) Выполняя общее желаніе и любопытство, и по совѣту благоразумія, съ душевнымъ услажденіемъ, передаю еще разъ благосклонному чипателю слѣдующія спровки съ эпиграфомъ: любишь ближняго весело, пріятно и долгъ нашъ.

„1804 года, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, случай заставилъ меня разсмапривать памяшники и надгробныя плишы, на кладьбищахъ Александрo-Невскаго Монашпыря и Смоленской церкви; случай привелъ меня къ великолѣпнымъ возвышеніямъ, надъ прахомъ умершихъ воздвигнушымъ; случай обратилъ шаги мои къ скромнымъ надписямъ людей знаменипыхъ дѣлами; случай принудилъ меня предапсья власпи задумчивости; случай онкрылъ обширное поле мыслямъ моимъ. Я пошелъ опъ мѣстъ печальныхъ съ душею сокрушенною и разсуждалъ: придетъ время, насъ не будетъ, и дѣши наши въ землю превращапсья; спранникъ успалый издали видинъ обипель шишины и мира, приближается, колонада надъ исплѣвшимъ шѣломъ поражаетъ его; онъ заключаешъ по симъ признакамъ гордостпи и щеславія о великихъ услугахъ челошъка, почивающаго вѣчнымъ сномъ; и часто ошибаетъся, тогда, когда другъ людей, прав-

Россіяне видя наконецъ бѣдствіе непріятельское, восхищенные, изъясляли другъ другу радостное сердце своихъ чувствъ, и каждый ощущая веселіе свойственное

долгобецъ, истинный сынъ Опечества, превращенъ въ прахъ, и не извѣстно по мѣсто, гдѣ зарыто тѣло праведника. Мнѣ возразить: „Дѣла, а не мавзолеи остаются на всегда въ попомствѣ; слава дѣлъ добрыхъ переходя изъ устъ въ уста, получаетъ святость закона; словомъ: она не умираетъ.“ Такъ; но и наружность нужна; ненадобно забывать, что мы, бывъ госпи міра сего, только что люди, и потомки наши тѣ же люди будутъ.

Углубясь въ сихъ размышленіяхъ, медленно продолжалъ прогулку свою по Васильевскому острову отъ кладбища Смоленскаго. Вспрѣшилъ пріятеля, пересказалъ ему свои разсужденія; чувства мои описались въ душѣ его. „Другъ мой! правильны твои заключенія; конечно честнаго человека память не изгладится въ лѣтописяхъ народныхъ; но и то правда, что больно видѣть нищету дѣтей послѣ заслугъ родителей ихъ; чему свидѣтелемъ я самъ былъ, проѣзжая Тверь, гдѣ дочь Ильина въ слезахъ и бѣдности проводилъ дни свои. Уже ли того Ильина, которой при Чесмѣ сжегъ Турецкой флотъ? Того самаго.“ Боже! слезы въ изобиліи пошекли у меня, довольно; спѣшу домой и съ душевною болью, съ

побѣдителямъ, возсылалъ Всевышнему хвалу, что могъ подать новый, неложный опытъ усердія къ своей Государынѣ и Отечеству.

желаніемъ исполнить долгъ свой, съ желаніемъ заслужить щедроты Великой ЕКАТЕРИНЫ, лучи просвѣщенія на меня излившей, зная такъ же душу, чувства, расположенія Внука Ея, нашего Семилюбіи-вѣйшаго Монарха АЛЕКСАНДРА I. написалъ:

ДѢВИЦА ИЛЬИНА. *)

„Я сказалъ, утверждаю и всегда швердить буду: въ Россіи болѣе нежели гдѣ, достоинства опличены бывають, и сіе опличіе просирается и на потомство. Доказательствомъ сему служишь возвышенная награда потомкамъ великаго Ломоносова; и онъ былъ долго, очень долго, забытъ Государями, коихъ украшалъ царствованіе. Другъ людей, другъ изящнаго, Ахвердовъ, вскрылъ завѣсу скрывавшую потомство Ломоносова. Блаженные памяти Императоръ ПАВЕЛЪ узрѣлъ истинну, вспомнилъ человека воспѣвавшего Предковъ Его, и съ душевнымъ удовольствіемъ подписалъ указъ, облегчившій на всегда судьбу потомковъ Русскаго Пиндара.

*) Катерина Дмитриевна, постояннаго жилища не имѣетъ, а болѣе проводитъ печальныя дни свои Тверской Губерніи Вышневолоцкаго уѣзда въ деревнѣ Коллежскаго Ассессора Степана Петровича Ладыгина въ нѣдрѣ дружественнаго ей семейства.

Въ самое сіе время съ кораблей Рос-
сійскихъ, у прикрытія бывшихъ, началась
опять найжесточайшая пальба, съ на-
мѣреніемъ не допустить непріятеля ни

„Я сказалъ и вѣкъ швердишь буду: весе-
ло, утѣшительно видѣшь благодарныя ду-
ши, радостныя слезы. Государи болѣе всѣхъ
владѣють симъ правиломъ, но только нуж-
но представить имъ несчастныхъ, угне-
тенныхъ. По чему все существо мое въ
восторгѣ отъ одной мысли, и дѣвица *Иль-
ина* будетъ обрадована благоспiю наше-
го Монарха; онъ узнаетъ, и память славна-
го мужа, мужественнаго *Ильина*, родителя
ея, пребудетъ, останется въ роды родовъ.

„Почтенный Херасковъ 40 лѣтъ тому
назадъ увѣковѣчилъ уже имя *Ильина* въ
своей превосходной поэмѣ *Чесменской бой*;
онъ говоритъ:

Какъ будто несъ главу Горгоны къ нимъ въ рукахъ;
Окаменение имъ Ильинъ навелъ и страхъ;
Онъ бросилъ молнію въ ихъ плавающи дома;
Ударили со всѣхъ сторонъ отъ Россовъ громы;
Тамъ бомба на корабль упавъ разорвалась;
И смерть, которая внутри у ней неслась,
Покрыша искрами изъ оной вылетаетъ;
Рукою корабли, другой людей хватаетъ;
Къ чему никоснешся, все гибнетъ и горитъ;
Огонь небесну швердь, пучину кровь багришь;
Подъемлють якоря, отъ смерти убѣгаютъ;
Но кроясь отъ огня, другъ друга зажигаютъ.

гасить, ни спастись. Вскорѣ начало
рвать непріятельскіе корабли одинъ послѣ
другаго. Сіе чрезвычайное явленіе поль у-
жасно было, что и берега спонали; въ ко-

„И такой человѣкъ забыть, и такого
человѣка дочь проливаетъ ежедневно сле-
зы; не изсушаетъ оныхъ надъ бѣднымъ дер-
новымъ возвышеніемъ, гдѣ зарыто тѣло
вмѣщавшее духъ мужественнаго *Ильина*.
Нѣтъ! это ужъ слишкомъ много. Какъ!
Ильинъ, при *Чесменскомъ* заливѣ сжегшій
Турецкій флотъ, не имѣетъ не токмо па-
мятника, не покрытъ даже камнемъ прахъ
его. И дочь, дочь забытаго героя, въ бѣд-
ности, въ горести, плачетъ ежедневно, про-
водитъ жизнь въ горькихъ сненіяхъ,
увядаетъ, сохнетъ, приближается къ смер-
ти въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Боже! за что
такъ люди охолодѣли къ себѣ подобнымъ?
за что преждевременно оземленѣло суще-
ство ихъ?

„Клевета! зависть! вы довольно насы-
тились, въ живѣ преслѣдуя почтеннаго
Ильина! прекратите гоненія свои, скройте
самихъ себя ошъ себя, не безпокойте прахъ
друга души моей!

„Ты же духъ героя *Ильина*, ты исполня
долгъ Россіанина, долгъ поборствующаго за
Опечесство, ты покойся на лонѣ Безначаль-
наго; миръ праху твоему!

„Дочь нѣжная, дочь неуспрашимаго *Иль-
ина*! къ тебѣ обращаю рѣчь мою; я незнаю

ропкое время весь непріятельскій флотъ
обращенъ въ пепель, исключая одного ко-
рабля о шеспидесяти пушкахъ и пяпи га-
леръ, которыя доспались нашимъ съ нѣ-

тебя, почтенная Россіянка; но не разъ
лиль слезы по тебѣ; живи! кропкая душа,
Ангель швой да сохранишь тебя. Споны
швой доспигнушь престола АЛЕКСАНДРА
ПЕРВАГО, Императора нашего, Государя
Милосердаго, и ты на всегда опрешь сле-
зы, и покой на всегда поселишься въ ду-
шѣ Ангельской швоей.“

Окончивъ сіе, думаю, что дѣлашь съ на-
писаннымъ? рѣшился опправитъ въ журна-
лы, одинъ экземпляръ въ Москву, другой
въ Санкшпетербургъ; жду два мѣсяца. Ме-
жду шѣмъ опрывокъ сей чишаю чувствви-
тельными людямъ; многіе лють слезы,
всѣ пронуты, всѣ увѣрены въ благоспи
Императора нашего, еспли доспигнешъ
до него сей опрывокъ. Но журналисты,
имѣя свои причины, и занимаясь сказка-
ми, Московской Вѣспникъ Европы, предавъ
забвенію опправленное мною; журналъ Рос-
сійской словесности въ С. П. препрово-
дилъ мнѣ назадъ. Что оспалось мнѣ дѣ-
лашь? чѣмъ пособишь спраждуцей? Слезы
мои, единспвенная опрада, не облегчаютъ
учаспи невинной дѣвицы. Въ великой пе-
чали, даже въ досадѣ сердечной, въ вечеру,
прихожу въ домъ къ Оберъ-Камергеру
Александру Львовичу Нарышкину. Тутъ

сколькими малыми судами. По семь высадили нашихъ воиновъ на берегъ, кои взяли непріятельскую бапарею въ малой Азіи, и того же дня самъ Главнокоман-

вопрошають многіе меня о примѣшной печали. Я вынимаю шепрадь, подаю Князю Александру Николаевичу Голицыну. Князь, Боляринъ на дѣлѣ, прочитавъ съ душевнымъ умиленіемъ, какъ я примѣшилъ на лицѣ благородномъ его, сказавъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ, выпросилъ шепрадь, увѣривъ, что онъ найдетъ случай показать опривокъ сей Его Императорскому Величеству.

Въ скоромъ времени исполнилъ сей другъ людей обѣщаніе свое.

Государь прочитавъ опривокъ о дѣвицѣ Ильиной, препоручилъ Министру Удѣловъ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому собрать свѣдѣнія о семь дѣлѣ, который призвавъ меня къ себѣ, спрашивалъ о сей дѣвицѣ, съ заботливостію, обнаруживающею человека, готоваго велѣнія Государя своего исполнить съ точностію, и съ душевнымъ услажденіемъ, особенно подобныя сему дѣла, гдѣ спрадаетъ человѣчество.

Вскорѣ сдѣланы справки; я при семъ случаѣ осмѣлился посвятить Государю Императору слабый трудъ свой: *Твердость духа Русскихъ*. Дмитрій Прокофьевичъ не отказался поднести, при докладѣ о дѣвицѣ Ильиной, и книгу мою Его Величеству.

дующій Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ съ брапомъ своимъ Лейбъ-Гвардіи Маіоромъ Княземъ Долгорукимъ и со многими другими ѣздилъ на Анапольскій берегъ. Тамъ изъ челоѡколюбія многія пы-

1805 года Марта 11 дня получилъ я пакешъ ошъ сей доброжелательной особы, содержаніе котораго слѣдующее:

Милостивый Государь мой

Гаврило Васильевичъ!

Я обѣщаль извѣснить васъ объ успѣхѣ, какой будетъ имѣть сочиненіе ваше о двѣвицѣ *Ильиной*, дошедшее до свѣдѣнія Государя Императора. Нынѣ спѣшу исполнить сіе обѣщаніе, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что подвигъ вашъ получилъ мзду свою, что великодушіемъ Милосердаго Мо'нарха, сія дочь современнаго намъ Героя, избавлена ошъ помпительной бѣдноти, судьба ея успроена по мѣрѣ чувствительности къ ея соспоанію, и памяшь славнаго мужа посшавлена паки на чреду свою. Прилагая при семъ списокъ съ Высочайшаго Имяннаго Указа, даннаго ошомъ Кабинету, я присовокупляю къ нему другой съ таковаго же Указа, собственнотъ къ вамъ ошносящагося, изъ котораго увидите вы, съ каковою внимательностію Всемилосшивѣйшій Государь нашъ любитъ

сячи велѣлъ спасать отъ утѣпленія, и большему числу даровалъ именемъ Ея Императорскаго Величества свободу.

Въ портѣ испреблено Турецкаго флота пятнадцатъ линейныхъ кораблей, изъ ободрятъ шруды и шаланшы обрацаемые къ благонамѣреннымъ видамъ.

Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ.

Вашъ Милосшиваго Государя моего

покорный слуга

Д. Трощинскій.

Въ С. П. бургѣ
11 Марта 1805.

Указъ Кабинету.

Дѣвицѣ Каперинѣ Ильиной, дочери умершаго флота Капитана 1 ранга Дмитрія Ильина, котораго знаменишая заслуга, оказанная во время первой Турецкой войны, споспѣшествовавшая сожженію и изпребленію въ Чесмѣ всего непріятельскаго флота, пребудетъ въ Ошечесивенной нашей Испоріи вѣчно незабвенною, Всемилоспивѣйше повелѣваю производить по смерти ея пенсіи по три сша рублей на годъ съ начала нынѣшняго, и сверхъ того внести единовременно въ Банкъ пять тысячъ рублей, опредѣляя оныя ей на приданое, съ тѣмъ, чшобъ по выходѣ въ замужство сумма сія ей изъ Банка выдана

коихъ шесть отъ осьмидесяти до девяноста пушекъ, прочіе отъ шеспидесяти до семидесяти, шесть фрегатъ, нѣсколько шебекъ и брегантинъ, множество полугалеръ, фелукъ и другихъ малыхъ судовъ; — всѣхъ вообще около ста судовъ.

была вмѣстѣ съ проценнами, какіе до того времени соснавались.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С. П. бургѣ
9 Марта 1805.

Послѣ сего и Адмиралтейская Коллегія опредѣлила ей же Ильиной выдавать по сту рублей сиротскихъ денегъ, и Дума Военнаго Ордена такъ же сто рублей въ годъ за Георгіевской крестъ.

УКАЗЪ КАБИНЕТУ.

Коллежскому Ассессору Гавріилу Герасову, находящемуся въ Кадепскомъ Корпусѣ учителемъ, въ награжденіе усердія его къ службѣ и для вѣщаго ободренія въ похвальныхъ трудахъ его, Повелѣваю, сверхъ получаемого имъ по настоящему его мѣсту жалованья, производить онаго изъ Кабинета по чешыреста рублей на годъ, съ начала нынѣшняго.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С. П. бургѣ
9 Марта 1805.

*

Такимъ образомъ и въ предѣлахъ Ассійскихъ слава пронесла имя непобѣдимыхъ Россіянъ, попрясла Оппоманскую Порпу, и обезсмертила симъ Великую ЕКАТЕРИНУ.

По выходѣ моемъ изъ Корпуса за слабостію здоровья 1809 года Октября 8 дня Кабинетъ оспановилъ выдачу 400 рублей. По чему и воспослѣдовало подтвержденіе въ слѣдующихъ сипрокахъ:

Государь Императоръ Высочайше повелѣшь изволилъ, опредѣленные Указомъ ошъ 11 Марша 1805 года Надворному Совѣшнику Гавріилу Геракову сверхъ жалованья по 400 рублей на годъ, возобновить производствомъ на прежнемъ основаніи изъ Кабинета, удовлетворивъ его симъ окладомъ и за прошедшее время.

Подлинный подписалъ:

Д. Гурьевъ.

Въ С. П. бургѣ
21 Октября 1810 года.

И другая дочь Ильина, вдова Прапорщица Александра Ушакова, писала ко мнѣ; я просилъ Князя Голицына; Его Сіятельство предспавилъ Государю Императору, и Его Величество указомъ 1808 года Августа 22 Повелѣлъ производить по смерти, за заслугу ошца ея, 500 рублей годоваго пенсіону.

Изъ сего можно упвердительно сказать, что истинныя заслуги, рано или поздно, но бывають награждены.

МИНИХЪ

ВЪ ЗАТОЧЕНІИ, ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

КРОТКОЙ ЕЛИСАВЕТЫ І.

Великій человекъ, истинный человекъ, въ гоненіяхъ можетъ доказать свойства свои. Умѣть переносить бѣдствія равнодушно, есть признакъ великой души. Фельдмаршалъ Минихъ, хотя и не Россіянинъ, но своими заслугами, непоколебимостію, ко благу новаго своего Отечества, неоспоримо заслужилъ имя Русскаго.

Перемѣна въ правленіи, обстоятельствъ, принудили кроткую Императрицу ЕЛИСАВЕТУ, сослать въ ссылку опытнаго, съдинами украшеннаго Миниха, почитаемаго ПЕТРОМЪ Великимъ. Сей великій человекъ и въ Сибири, въ заточеніи, не оставался празднымъ; онъ сочинялъ, и посылалъ въ Сенатъ разныя начертанія о управленіи Россійскими провинціями; сверхъ того занимался обученіемъ не малаго числа юношей Математикъ, Фортификаціи

Аршиллеріи, черпипь, рисовапъ, и по-
 нуждалъ начальниковъ въ Сибирскихъ го-
 родахъ наблюдапъ правосудіе, и заста-
 виль бояпсья и почипашъ себя, угрожая
 донести Императрицъ о несправедли-
 востіи ихъ. Великій духъ Графа Миниха,
 во время 20-лѣтняго изгнанія, не поте-
 рялъ нимало пвердаго и сильнаго харак-
 пера; онъ, дабы и въ ссылкѣ быпъ по-
 лезнымъ Опечеспву, среди бѣдспвій на-
 ходиль удовольспвіе, образовапъ всѣ пѣ
 роты солдапъ, кои приспавлены были
 для караула къ сему важному Государ-
 спвенному ссылочному. Лишенный чи-
 новъ, бывшій Фельдмаршалъ, училь сво-
 ихъ караульныхъ пакшикѣ и воинскимъ
 поворопамъ, пакъ, чпо въ послѣдспвіи
 примѣчено, чпо пѣ, кои болѣе въ воен-
 номъ искусствѣ оказали дарованія, были
 опъ него обучены.

Должно справедливостъ опдапъ Ми-
 ниху и за безкорыспіе: ибо имѣя всѣ
 крѣпости, гавани, каналы, дороги со
 временъ ПЕТРА Великаго подъ своимъ
 надзоромъ, никогда ничѣмъ не восполь-
 зовался. Въ нижеслѣдующихъ спрокахъ

еще болѣе обнаружатся качества души великаго человека.

Крошкая ЕЛИСАВЕТА никогда не могла забыть Графа Миниха и заслугъ его, а попому часто въ примѣръ ставила другимъ. Въ концѣ царствованія Своего, среди торжества бывшаго 5 Сентября, вспомнила о ссылочномъ Минихѣ. „Я бы желала знать, говорила Императрица, что дѣлаетъ Минихъ? Сказавъ сіи слова, велѣла написать письмо и оправила оное къ нему съ однимъ унтеръ-офицеромъ Гвардіи, коему поручила вручить славному полководцу шесть тысячъ рублей. Императрица увѣряла его въ письмѣ, что Она въ день тезоименичества Своего, которой безъ сомнѣнія и онъ торжествовалъ, вспомнила объ немъ, и посылаетъ ему шесть тысячъ рублей въ подарокъ, чтобъ онъ деньги оныя употребилъ по своему соизволенію и помнилъ бы объ Ней. При семъ приказала посланному примѣчать все, что будетъ говорить и дѣлать Минихъ получа письмо Ея, и обстоятельно о томъ Императрицѣ донести.

Курьеръ, по возвращеніи, подалъ Императрицѣ благодарное письмо опъ несчастнаго изгнанца, сочиненное въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, и продолжалъ: что Минихъ получа письмо, читалъ оное споя со всѣми знаками всеподданнѣйшаго усердія, и что посланный сидѣлъ дошолъ у него, доколѣ Графъ не написалъ отвѣта, который вручилъ онъ ему съ двумя тысячами рублями за трудъ его, по томъ раздѣлилъ двѣ тысячи между своими служивыми, сказавъ имъ, что за сію милость должны они благодарить Ея Императорское Величество, а остальныя двѣ тысячи, удержалъ у себя, какъ драгоцѣнный залогъ своей Императрицы. Монархиня поступками Миниха до слезъ пронута была, и шупъ же говорила предстоящимъ ей вельможамъ: *Я и напередъ думала, что онъ раздѣлитъ мой подарокъ; по истиннѣ сказаъ, присовокупила Она: Минихъ пакъ же великъ въ несчастіи, какъ и въ счастіи.*

А я долженъ сказаъ: въ политическомъ мірѣ часпо случается, что должно дѣлать то, чему душа прошивится; ЕЛИ-

САВЕТА почитала Миниха, а Минихъ оставался все царствованіе Ея въ ссылкѣ.

Къ сему можно присовокупить начертаніе Князя Якова Пепровича Шаховскаго, который такъ пишетъ:,, По отправленіи въ започеніе бывшаго Кабинетъ-Министра Графа Оспермана и Оберъ-Гофмаршала Графа Левенвольда, уже стоялъ передо мною Гвардіи Офицеръ, опредѣленный везти бывшаго Фельдмаршала Графа Миниха, со увѣдомленіемъ, что онъ также къ отъѣзду готовъ. Я снабдя и сего приспойнымъ наспавленіемъ, пошелъ съ нимъ до шой казармы, гдѣ оный несчастный арестантъ сидѣлъ; дорогою самъ себѣ говорилъ: увы! вошъ удосповѣрипельное для меня зрѣлище, чпобъ никогда на разумъ и на форшуну по своимъ гаданіямъ и предпріятіямъ пвердой надежды не полагать. Героя многокрапно, съ полномочною опъ Монарховъ довѣренностію многочисленныхъ войскъ арміею командующаго, многокрапно жъ надъ непріятелемъ за одержанныя побѣды лаврами увѣнчаннаго, печальными въ Опечеспвѣ нашемъ одами Россійскимъ Сципіономъ паче Рим-

скаго похваляемаго, и коего я имѣлъ честь въ Турецкой войнѣ, въ послѣднія три кампаніи, съ нѣсколькими Конной Гвардіи эскадронами, во всѣхъ случаяхъ препровождать и охранять знаки его милостивой склонности, и хорошей черезъ него рекомендаціи къ лучшему себѣ щаспію сывивать пріобыкшей, и на послѣдокъ того, копорой за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ, въ нашей Резиденціи, одинъ пришедъ ко Дворцу, съ одною караульною Гвардіи ротою, тогда бывшаго Регента Герцога Бирона взялъ подъ арестъ, и на его мѣсто Принцессу Анну Леопольдовну Россійскаго Престола Правительницею бытъ утвердилъ, и при ней первымъ во всѣхъ Государственныхъ дѣлахъ Министромъ былъ, теперъ увижу, яко злодѣя, всѣхъ чести лишеннымъ, вчерась на публичномъ мѣстѣ у эшафота, опъ определенной ему смертной казни прощеннаго, и въ сіи часы спѣшу отправить его въ ссылку, на вѣчное житіе, въ дальнѣйшій въ Сибири край и весьма въ худое мѣсто.

Въ такихъ-то смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оный бывшій Герой, а нынѣ наизло-

счастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестію и смятеніемъ пораженнаго.

Какъ только въ оную казарму двери передо мною отворены были, то онъ стоя тогда у другой стѣны, возлѣ окна, ко входу спиною, въ пошъ мигъ поворотясь въ смѣломъ видѣ, съ такими быспрораспоренными глазами, съ какимъ я имѣлъ его случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуреваемого видѣть, щель ко мнѣ на встрѣчу, и приближась смѣло, смотря на меня, ожидалъ, чпо я ему начну.

Сии мною примѣченные сего мужа Геройскіе и прошивъ своего злосчастія оказуемые знаки возбуждали во мнѣ желаніе, и въ томъ случаѣ оказатъ ему излишнее предъ другими почтеніе; но то было бы неприлично и для меня бѣдственно; по я сколько могъ, не перемѣняя своего вида, также какъ Остерману и Левенвольду, все подлежащее ему въ приспойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣпилъ, чпо онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ. По окончаніи моихъ словъ, въ набожномъ видѣ поднявъ руки, и воздѣвъ взоръ свой къ небу, громко

сказалъ: „Боже! благослови Ея Величество и Государствование Ея.“

По томъ нѣсколько пошупя глаза и помолчавъ, говорилъ: „Когда уже теперъ мнѣ ни желать, ни ожидать ничего инаго не оспалось, такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы для охраненія отъ вѣчной гибели души моей оправдѣнь былъ со мною паспортъ.,, И при томъ поклонясь съ учпивымъ видомъ, смѣло глядя на меня, ожидалъ дальнѣйшаго повелѣнія. На то сказалъ я ему, что о семъ, гдѣ надлежитъ, отъ меня предспавлено будетъ. А какъ уже все было къ отъѣзду его гоново, и супруга его, какъ бы въ какой желаемой путь, въ дорожномъ плащѣ и капорѣ, держа въ рукахъ чайникъ съ приборомъ въ поспоянномъ видѣ, скрывая смященіе своего духа, была уже съ нимъ ѣхавъ гонова, то немедленно посажены были въ сани и отправлены въ путь.“

1762 года Графъ Минихъ возвращенъ былъ изъ започенія Императоромъ ПЕТРОМЪ III, и возвращены ему всѣ достоинства. Скончался въ 1767 году, на 87 году своея жизни.

РУССКОЙ СОЛДАТЪ

П Р И

ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

Благое воспитаніе ведетъ крѣпкою спѣзєю въ храмъ славы; истинное образованіе возвышаетъ душу и научаетъ, какъ быть полезнымъ человѣчеству; оно намъ влечетъ великодушіе, первую опору изъ качествъ добродѣтели. И такъ, ежели украшенный челоѣкъ таковымъ воспитаніемъ прославился, чѣмъ бы то ни было похвальнымъ, должно приписать сколько ему самому, столько и благому образованію; но тотъ, который одною природою руководимъ и подвигами своими извлекаетъ слезы у имѣющихъ душу, по моему мнѣнію превосходнѣе получившаго воспитаніе. Во всякомъ народѣ были таковыя достойныя мужи.

ПЕТРЪ Великій доказалъ всему свѣту на дѣлѣ любовь свою къ подданнымъ. Каждый скажетъ со мною, что всѣмъ жертвовалъ онъ благу народа своего; сынъ возсталъ противъ предначертаній Его;

Монархъ чадолюбивый лиль слезы понемъ
яко отецъ, предасть суду яко Государь
справедливый. Не спало наслѣдника на
престолѣ Русскомъ, не спало человека,
кто бы поддержалъ заведенія Петровы;
горестно опцу народа, болѣзненно вѣр-
ноподданнымъ. Сильное воображеніе толь-
ко и можетъ предсавить радость Пе-
трову, когда родился ему другой сынъ,
котораго онъ самъ приутоповить къ са-
модержавію; въ восторгъ посылаетъ онъ
Генераль-Адъютанта къ Оберъ-Комендан-
ту, да возвѣститъ онъ пушечными вы-
стрѣлами вождельніе его, радость Го-
сударства, рожденіе наслѣдника престо-
лу Русскому.

Посланный хочетъ войти въ крѣпость,
часовой останавливаетъ его, говоритъ: поди
прочь, не велѣно никого пропускать. *Ме-*
ня Государь послалъ за важнымъ дѣломъ. Я
того не знаю, а знаю только, что мнѣ
не велѣно никого впускать; я застрѣлю
тебя, ежели ты не отойдешь. Генераль-
Адъютантъ доноситъ Государю о про-
изшедшемъ. Неприѣливый Монархъ въ
серпукѣ, безъ всякаго опличія, идетъ
самъ въ крѣпость и говоритъ тому же

солдапу: господинъ часовой! *впусти меня, — не впусти, — я тебя прошу, — не впусти, — я приказываю, — а я не слушаю; да знаешь ли ты меня? нѣтъ, я твой Государь; не знаю, а знаю по тольکو, что онъ же запретилъ по пробитіи вечерней зорѣ не впускать никого въ крѣпость; да мнѣ нужда; ничего я слышать не хочу; Богъ даровалъ мнѣ сына, и я спѣшу обрадовать народъ пушечными выстрѣлами; наследника! вскричалъ въ восхищеніи часовый, полно правда ли? правда, правда; а когда такъ, продолжаетъ солдапу, что за нужда, пусть хоть разспрѣляютъ меня завтре! поди обрадуй народъ сею вѣстію.*

Вотъ дѣйствіе нѣжной благородной души Русскаго солдапа, заслуживающее незабвенной памяти. Онъ не Децій, онъ не бросается въ разверзную хлябь, не погибаетъ по предписанію Авгуровъ, предсказателей Римскихъ; онъ хочетъ умереть отъ умиленія сердечнаго; онъ знаетъ долгъ свой, знаетъ спрѣкосъ военной службы; но знаетъ такъ же цѣну радости и восторговъ соотечествен-

никовъ при таковой вѣспи, что родил-
ся наслѣдникъ ПЕТРУ Великому.

Больно, что мы не знаемъ имени сего
солдапа, котораго величайшій изъ Мо-
нарховъ почпилъ. Изъ сего доказывае-
тся, что или должно образовывать лю-
дей истиннымъ воспитаніемъ, или пред-
оставить сіе попеченіе природѣ и о-
пытности.

ПАРФЕНТЬЕВЪ.

1794.

Истинное мужество и твердость ду-
ха въ несчастіяхъ познаются. Россіяне
привыкли побѣждать; но непредвидѣнное
нападеніе, многочисленность Поляковъ,
сто орудій противъ сорока, положеніе
мѣстъ, бѣшенство народа, придавали си-
лу непріятелю и дѣлали его смѣлымъ.
Какой народъ можетъ гордиться, что
всегда былъ счастливъ?

Вы претерпѣли несчастіе, Россіяне,
вы лишились множества братьевъ своихъ;

но гдѣ мнѣ покажутъ, въ какихъ льпописяхъ опыщутъ въ такомъ величїи несчастныхъ?

Уже Россїяне, сражаясь придцать шесть часовъ, съ именемъ Бога, Опечесва, ЕКАТЕРИНЫ, бьютъ врага, падаютъ сами мертвы, и вспрѣчая на каждомъ шагу тысячу смертей, пробиваются сквозь Варшаву подъ начальствомъ Подполковника Типова и Преміеръ-Маіора Батурина.

Кіевскаго Гренадерскаго полку Полковникъ Парфентьевъ, будучи опрѣзанъ съ нѣсколькими ропами солдатъ своего полку, не могъ опспушпть вмѣстѣ съ Батуринымъ и Типовымъ. Онъ оспался въ Варшавѣ и занялъ домъ Генерала Игельсрома; оспался посреди града, гдѣ все вооружилось пропивъ него; удерживалъ однако нападеніе свирѣпспвующаго народа съ такимъ успѣхомъ, что завладѣлъ двумя орудіями. Не разъ опражалъ онъ нападенія со всѣхъ сторонъ; но видя, что не можетъ малочисленностію своею защищать весь домъ, оспавиль одну часть. Поляки ворвались въ оную; Парфентьевъ съ друзьями Россїи, Офицерами и солда-

тами Русскими, дорого уступалъ непріятелю каждый шагъ, каждый покой! наконецъ въ зажженной со всѣхъ сторонъ ospальной половинѣ, еще сражается; пламень быспро обнимаепъ весь домъ и готовъ поглотипъ оный; Парфенпьевъ, усмопръ неизбежную гибель, собираепъ ospальныхъ сорокъ Гранодеръ, почпи всѣхъ израненныхъ, пускаепся изъ оконъ на улицу, наполненную тысячами вооруженныхъ; успрашаепъ ихъ нечаяннымъ симъ дѣйствіемъ, спремипся на нихъ; смерть предшеспвуетъ ему; онъ по шѣламъ отпкрываепъ себѣ путь, проходипъ по онымъ *Медовую* улицу, Красинскій дворъ и Свяпоярскую, на копорой улицѣ палъ мерпвъ съ ospальными осьмью Гранодерами.

Такъ кончилъ дни свои Парфенпьевъ, честь Россіи, другъ любящихъ Отечество.

Вопъ какъ повѣспвуютъ о тебѣ, великій человекъ, не Россіяне, они не были свидѣтелями твоихъ подвиговъ, но непріатели, Поляки, копорые никогда не забудутъ дѣла твоеи; они съ почпеніемъ воспоминаютъ и будутъ воспоминапъ

имя пвое, и умѣли, и умѣють цѣнить
достоинства и во врагъ своемъ.

Кто истинно Русской и не захочетъ
умереть, подобно великому человѣку Пар-
фентьеву? Таковая смерть есть неувя-
даемый вѣнокъ, который сохранится въ
вѣкахъ, и время, посядающее все, не коснет-
ся онаго.

Коль завидна смерть Парфентьева! кто
не чувствуетъ скорби въ душѣ своей,
представляя супругу его, дѣтей? но та-
ковая скорбь есть слава.

Оплачь, несчастная супруга, друга свое-
го; плачьте, дѣти, по отцу своему; вы ли-
шились въ немъ покровителя и любезнаго
вамъ человека; плачьте отъ горести, вы
лишились опоры своей; плачьте отъ ра-
дости, воспоминаая подвиги его; плачьте
въ возпоргѣ, онъ оставилъ вамъ неоцѣ-
ненное наследство, пвердость духа, по-
корность предъ Создателемъ, любовь къ
Отечеству, преданность Государю сво-
ему, непоколебимость къ добродѣтели.
Плачьте! я не стану унимать васъ, а
соединя свои слезы съ вашими, утѣшу
свою душу и ваши.

Согласныя съ чувспвами моими Россіанки, Россіане, вы конечно вмѣстѣ со мною желали бы видѣть небольшую пирамиду, воздвигнутую въ память безсмертныхъ подвиговъ Парфентьева. Дождемся; у насъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, который уже съ душевнымъ удовольствіемъ согласился воздвигнуть монументъ Пожарскому и Минину. Модель готова, сдѣланная рукою искуснаго Русскаго Скульптора Мартоса.

Ты же, великая душа Парфентьева, возрадуйся въ предѣлахъ вѣчности; ты извлекаешь слезы; вопль оиміамъ тебѣ посвященный!

Великая ЕКАТЕРИНА извлекла семейство убитаго Героя изъ соспоянія бѣднаго, и дала знать Россіи, что въ супругъ и дѣтяхъ награждается опецъ и супругъ, павшій съ честію на полѣ брани за Отечество.

КНЯЗЬ ГАГАРИНЪ. *)

1794.

Умереть не мудрено, но какъ умереть? это дѣло великое. Тебя нѣтъ, Гагаринъ! ты похищенъ изъ объятій многолюбящей тебя супруги, вырванъ изъ рукъ дѣтей своихъ еще малолѣтнихъ, оппоргнутъ изъ среди полку своего, изъ среди облагодѣтельствованныхъ побою, Офицеровъ, друзей твоихъ, изъ среди солдатъ, которымъ ты былъ отецъ, изъ среди любящихъ тебя воиновъ Русскихъ; но какъ знаменито кончилъ ты дни свои, и кто не позавидуешь тебѣ, другъ чувствъ моихъ! въ тебѣ и враги признавали почтеннаго человека. Что жъ осталось соотечественникамъ? вѣчное соревнованіе влестѣть, душею горѣ, подобно тебѣ.

Уже смерть въ Столицѣ Польской, въ Варшавѣ торжествуетъ; уже пали сотни воиновъ съ обѣихъ сторонъ. Гагаринъ съ Милашевичемъ (***) не допускаютъ непріа-

*) Теодоръ Сергѣевичъ, Полковникъ, Сибирскаго Гранодерскаго полку.

**) Генераль-Маіоръ.

пеля въ средину города; они вездѣ въ передовыхъ рядахъ, не взирая на каршечки, копорыя низвергали разомъ цѣлые взводы, не взирая на ружейную пальбу изъ окружающихъ домовъ. — Пропиваясь; — но раны, оставшаяся малочисленность, принудили ихъ опспупипь, и присоединипься къ опряду шедшему къ Главнокомандующему.

Въ сіе время Гагаринъ, Князь рожденіемъ, а болѣе Князь душою, израненный, несомый плачущими своего полку гранодерами, видя неизбѣжную свою смерть, но щадя ихъ жизнь, приказываетъ оставипь себя и положиипь въ домъ принадлежащемъ Саксонцамъ, а самимъ возвратипься къ своимъ мѣстамъ. Гранодеры Русскіе не повинуются ему, презираютъ свою жизнь, не хотятъ пережитъ рѣдкаго, любимого ими Полководца; оставяюпся при немъ, и Князь не прежде палъ подъ ударами свирѣпствующаго народа, какъ всѣ они поражены.

Такъ! тебя не спало, Гагаринъ; ты погипь, Князь; говорили мнѣ и говорятъ и нынѣ. Нѣтъ, ты исполня долгъ свой, долгъ вѣрнаго сына Опеческпа, живъ и

будешь жить въ Опечесствѣ, въ душахъ
гопovýchъ за Россію, за Царя своего по-
жертвоватъ собою.

Не знаю, оставилъ ли ты богатство
дѣшамъ своимъ; но знаю, восхищаюсь и
лью слезы: ты оставилъ драгоцѣнность,
геройство согражданамъ своимъ и не-
опъемлемое наслѣдіе дѣшамъ своимъ —
славу и добродѣтель; отъ нихъ зависишь
спушатъ къ безсмертію по проложенно-
му пути родителемъ ихъ. И кто бы не
согласился погибнуть, умереть съ Гага-
ринымъ за Опечесство, за Государя своего?

Я тебя не зналъ въ живыхъ, но смерть
твоя познакомила меня съ тобою, и я
слабымъ перомъ уже четвертый разъ пре-
даю писанію завидную смерть твою.

Пусть оспариваютъ меня многіе, а я
умру съ мыслями: нужно водвигнуть въ
Москву или Петроградъ столбъ, подоб-
ный Термопильскому, гдѣ бы начертаны
были имена умѣвшихъ со славою уме-
реть за вѣру, за честь Царя, за честь
Русскаго народа.

Увидимъ столбъ, это вѣрно, и возра-
дуемся духомъ; нами владѣетъ Монархъ
любящій насъ.

ЯКОВЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ КНЯЗЬ ДОЛГОРУКОВЪ,

ВЪ ПЛѢНУ У ШВЕДОВЪ.

Измѣна начальника Россійскихъ войскъ Фонъ Края или Кроа, *) копорый поспавивъ войско въ боевой порядокъ, передался Шведамъ, была причиною, чпо Шведы коварнымъ образомъ возпоржеспвовали надъ Россіянами подъ Нарвою. Римляне, Греки и Россіяне не воспользовались бы подобною побѣдою, и Шведы должны бы вымарать сей случай изъ лѣтописей своихъ, копорый безславипъ толико впрочемъ храбрый народъ. Какъ бы то ни было, но Россіяне положили оружіе, съ уговоромъ, чпо имъ дозволяпъ съ воинскою честію возврапипъся въ Опечеспво; слово дано, какъ говоряпъ многіе, самимъ Карломъ XII., но не успѣли Россіяне перейпи малаго проспранспва, Шведы на обезоруженныхъ напали, часть побили, а часть въ плѣнъ взяли. Въ числѣ послѣднихъ, между другими Генералами, былъ и Яковъ Ѳеодо-

*) Онъ былъ пришлецъ.

ровичъ Князь Долгорукой; всѣ опведены въ Спокгольмъ и содержаны за крѣпкимъ карауломъ.

ПЕТРЪ Великій не разъ просилъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Карлъ XII. ни за что не хотѣлъ согласиться; почему и Долгорукой яко плѣнникъ, находился въ Спокгольмѣ почти десять лѣтъ, до 1711 года, въ который онъ, съ нѣкоторымъ числомъ Россіянъ, избавился отъ сего плѣна удивленія достойнымъ образомъ.

1711 года въ Спокгольмѣ оказался недоспапокъ въ хлѣбѣ; для сей причины повелѣно было правительствомъ Шведскимъ, часть плѣнныхъ Россіянъ, содержащихся въ семъ городѣ, перевезти моремъ въ Гошенбургъ, въ числѣ коихъ былъ и Долгорукой; онъ на пути замѣтя, что на фрегатѣ Россіянъ было болѣе числомъ нежели Шведовъ, влагаеши себѣ мысль, завладѣти фрегатомъ и приплыти на немъ къ берегамъ Россіи; онъ сообщаетъ намѣреніе свое поварищамъ своего несчастія; всѣ приняли съ свойственнымъ жаромъ Россіянъ его предложеніе, клянуся быти ему во всемъ послушными. Князь восхищенный опредѣлилъ для исполненія пред-

пріятія своего вечеръ субботы, когда на вечерней службѣ запоютъ *Всемирную славу* и допоютъ до словъ: *дерзайте убо, дерзайте людіе Божіе*, бросишься всѣмъ на Шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ. Все сіе исполнено впочности по предписанію Долгорукаго; Россіяне подобно лвамъ въ ярости, при послѣднихъ словахъ: *дерзайте людіе Божіи*, на не воображавшихъ того Шведовъ бросились, обезоружили ихъ, часть убили, часть бросили въ море, а оспальныхъ перевязали; оставили только свободнымъ и живымъ Шшурмана, къ груди котораго Долгорукой приспавя обнаженную шпагу, вскричалъ: еспьли хочешь жить, то вези насъ въ Кронштаптъ или Ревель, но спрашисъ измѣнишь! Чпо оставалось дѣлать Шшурману, (который видно былъ живолюбовивъ и не имѣлъ должной любви къ Отечеству своему)? Онъ за лучшее нашель повиноваться, приводить фрегатъ къ Ревелю, входить въ гавань съ пушечною пальбою.

Симъ героическимъ поступкомъ споль былъ восхищенъ ПЕТРЪ Великій, находившійся въ Санктпетербургѣ, что въ

письмѣ своемъ къ Меншикову называетъ
оное освобожденіе чудеснымъ.

Долгорукой, достойный подданный
ПЕТРА I, прибылъ въ Санктпетербургъ
и былъ обнятъ Монархомъ своимъ, ко-
торый неоднократно цѣлуя и выхваляя
геройство его, проливалъ слезы радости;
присутствующіе проливали также въ из-
обиліи оныя. *Дай-то Богъ! чтобъ люди
отъ подобныхъ причинъ всегда плакали.*

Долгорукой вскорѣ пожалованъ Сенапо-
ромъ, и ему порученъ Коммисаріатъ.

Долгорукой только чинилъ Славянскія
и Русскія книги, законы своего Отече-
ства, и былъ твердъ въ вѣрѣ, а содѣлался
великимъ! *а нынѣ все знаютъ! да . . .*

КУПЕЦЪ НОВОГОРОДСКІЙ ИГОЛКИНЪ.

Къ чему служитъ воспитаніе, когда
оно насъ не дѣлаетъ ни великодушнѣе, ни
добродѣтельнѣе и приверженнѣе къ Го-
сударю, Отечеству и человѣчеству? При-
рода сама образуя, болѣе доспавила свѣшу

паковыхъ людей, нежели, какъ мы видимъ, пагубное воснипаніе преподаваемое Французами *въ нѣкоторыхъ народахъ*.

Новгородскій купецъ Иголкинъ, образованный въ спрахъ Божіемъ опцемъ своимъ и природою, имѣлъ всѣ качества, какія нужны для составленія въ полномъ смыслѣ *человѣка*.

1700 года Шведскій Король Карлъ XII. нанесъ неудовольствіе Россіи и личныя Опцу Опечества ПЕТРУ Великому, и принудилъ чрезъ то сего миролюбиваго Монарха объявить Швеціи войну. Карлъ XII. началъ шѣмъ, что всѣхъ Россіянъ разнаго званія, бывшихъ до войны въ Швеціи, велѣлъ задержавъ яко плѣнныхъ. По сему повелѣнію и Иголкинъ, торговавшій долгое время въ Швеціи и знавшій уже языкъ ихъ, жилъ въ Спокгольмѣ съ 1700 до 1711 года одинъ изъ Русскихъ по своей волѣ, по извѣстной честности его; но въ сей годъ, послѣ вышесказаннаго дѣйствія Долгорукаго, всѣхъ Россіянъ развезли по разнымъ пюрмамъ и обременили какъ преступниковъ оковами. Иголкинъ за староспцію лѣтъ и признанной добродѣтели хопя и сидѣлъ

въ шюрмѣ, но безъ оковъ, до возвращенія Карла XII. изъ Турціи и до начатія между Россією и Швецією мирныхъ переговоровъ.

Въ сіе время, сидя однажды подгрюнивши на скамьѣ у шюрмы, думая о злощасливой своей судьбѣ и всѣхъ Русскихъ въ плѣну находящихся, слышитъ, что два солдата, стоявшіе на часахъ у темницы, говоря между собою, поносятъ обидными словами ПЕТРА Великаго; не могъ вытерпѣть сей достойный Россіянинъ ихъ дерзости; проситъ, увѣщаваетъ ихъ, чтобы они перестали и не дерзали такъ говорить о Государѣ его, помазанникѣ Божіемъ, прибавя: по чему намъ знать дѣла Государей, и за что они одинъ съ другимъ воюютъ? Часовые презря его увѣщаніе, съ большею еще дерзостію, въ досаду ему, продолжали свой разговоръ. Иголкинъ призываетъ унтеръ-офицера, жалуется на нихъ и проситъ унять и наказатъ ихъ за дерзость. Унтеръ-офицеръ засмѣялся жалобѣ и ушелъ. Тогда сѣдобрадый Иголкинъ, окинувъ себя глазами, первой разъ въ жизни своей замѣнилъ, что онъ высокъ, дородень, не смолля, что спаръ,

крѣпокъ еще, и управишься можешь одинъ съ двумя солдатами, молчишь; между тѣмъ часовые продолжаютъ хохотать и бранишь ПЕТРА I, не думая о его намѣреніи. Иголкинъ бормочетъ что-то про себя; вспаешь, подходишь къ нимъ пошупя голову, и вдругъ бросаешь на нихъ съ оспервѣненіемъ, вырываешь у одного ружье, и штыкомъ онаго колешь другаго, а потомъ кидаешься и на сего, и повергаешь къ ногамъ своимъ мертва. Исполня долгъ свой, сълъ спокойно, какъ слѣдуешь Герою всѣхъ народовъ, и ждешь съ неуспрашимою пвердостію, что съ нимъ воспослѣдуешь. На крикъ и спонъ солдатскій выбѣгаешь караульный Офицеръ, хочешь войти въ пемницу, ужасъ объемлешь его, видишь часовыхъ плавающихъ въ своей крови и испускающихъ послѣднее дыханіе; кричишь въ опчаяніи, въ безпамятствѣ: къ ружью! какъ! что! кто злодѣй! гдѣ, гдѣ онъ? Я, отвѣчаешь Иголкинъ обыкновеннымъ голосомъ, *я ихъ убилъ, но я не злодѣй, и всякой бы на моемъ мѣстѣ жестный человекъ то же бы сдѣлалъ.* Офицеръ приказываетъ схватить его,

оковать тяжелыми цѣпями, и доносить о происшедшемъ вышшему начальству.

Иголкинъ окованный представленъ верховному судилищу. Тамъ на вопросъ, какъ онъ осмѣлился убить солдатъ, отвѣтствуетъ неустрашимо: я какъ вѣрный подданный своего Государя, обязанъ закономъ Божіимъ, гражданскимъ и присягою пролить за честь его послѣднюю каплю крови моей, слыша же священное имя его ругаемо, просилъ ихъ унятьсь; и пересказалъ все бывшее; — теперь исполня долгъ свой, презираю всѣ мученія, дѣлайте со мною что хощите. Судьи не смѣли рѣшить такового дѣла и сдѣлавъ приговора; доложено было Карлу XII, который въ семъ случаѣ показалъ, что онъ великой человекъ, почтивъ и въ непріятелѣ духъ великій. Прочитавъ все дѣло, пораженный удивленіемъ, вскричалъ: *въ толь грубомъ народѣ, толь великій человекъ!* *) Хощѣлъ видѣть Иголкина; видѣлъ, почпилъ, и отправилъ къ великому сопернику своему, не сомнѣваясь, что будетъ принятъ какъ драгоценный подарокъ; описалъ при томъ съ подроб-

*) Что бы онъ нынѣ сказалъ о всѣхъ Рускихъ!

ностію героическое дѣйствіе Иголкина, поздравляя. Его Величество съ шаковымъ подданнымъ, какихъ у него по мнѣнію его или нѣтъ, или очень мало; а по моему мнѣнію къ сожалѣнію, во всѣхъ народахъ, шаковые мужи рѣдки!

Иголкинъ прибывъ въ Санктпетербургъ, былъ представленъ, съдинами украшенный, предъ Монарха. Великій Государь, прочтя письмо Карла XII, пролилъ слезы умиленія, и обратясь къ предстоящимъ, сказалъ: *Вотъ образецъ вѣрности!* Подошелъ къ нему, обнялъ, поцѣловалъ въ голову и признавался, что опличная вѣрность должна быть щедро награждена; проси у меня, другъ мой, чего ты хочешь, я тебѣ оное обещаю.

Тронутый такою милостію Иголкинъ, проливая радостныя слезы, говоритъ Монарху: *Надежа Государь! у меня по милости Божіей и Твоей, еще осталось въ Новгородѣ доходу, тѣмъ могу прожить остатки дней своихъ безъ нужды, а по тому негево мнѣ больше желать, какъ только носить на себѣ Твою Монаршую милость.* Государь опвѣчаетъ: нѣтъ, Я не буду спокоенъ, ежели не награжу тебя;

воля моя есмь, чтобъ ты просилъ. Когда такъ тебѣ угодно, то повели опдашь мнѣ домъ казенный въ Новгородѣ, близъ моего выспроенный. Монархъ улыбаясь опвѣчалъ: ежели бы ты и весь Новгородъ попросилъ, то не могъ бы тебѣ опказать въ помъ: толико вѣрность и любовь твоя ко мнѣ велика. Однако Государь сверхъ сего пожаловалъ ему денегъ, далъ Указъ Сенапу о домѣ и оппустилъ его въ Новгородъ.

Гдѣ памятникъ воздвигнутый Иголкину? мало кто знаетъ, былъ ли онъ на свѣтѣ! При жизни Петра Великаго былъ извѣстенъ, ѣзжалъ часпо, когда бывалъ въ Санктпетербургѣ, въ однокolkъ съ Великимъ Императоромъ, обѣдывалъ у него, и былъ названъ дѣдушкою.

СТАРИЧКОВЪ и ЧУЙКА,

при

АЛЕКСАНДРЪ I.

Любовь къ Отечеству и вѣрность къ Государю своему равняешь людей, а пошому я смѣло пишу. 1805 года, Азовскаго мушкетерскаго полку, унперъ-офицеръ Старичковъ, находясь въ сраженіи прошивъ Французовъ, носилъ знамя своего полка, и когда покрытый ранами, въ ослабленіи силъ, увидѣлъ уже неизбѣжную потерю онаго, рѣшился снять съ древка и сохранить при себѣ. Послѣ сего взявъ въ плѣнь, въ коемъ берегалъ знамя до того времени, пока не почувствовалъ послѣднихъ минутъ своей жизни; тогда призвавъ къ себѣ бывшаго съ нимъ Бупырскаго мушкетерскаго полка рядоваго Чуйку, умолялъ его беречь при себѣ оное, до возможнаго случая доставить своему полку, и принявъ увѣренія своего поварища, что онъ въ точности исполнилъ такое важное порученіе, съ

спокойствіемъ духа умеръ. Рядовой Чуйка съ равнымъ усердіемъ скрывалъ знамя, и наконецъ сей священный залогъ единодушія вѣрныхъ и храбрыхъ воиновъ вручилъ опѣзжающему изъ Брюна Бупырскаго полка Подполковнику Трескину, который представилъ оное начальству. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ І. въ награду таковаго похвальнаго ихъ поступка, повелѣлъ семейство унтеръ-офицера Спаричкова признать прилично сословію онаго, а рядоваго Чуйку произвестъ въ унтеръ-офицеры.

МИГДАНОВЪ и МОНТРЕЗОРЪ,

при

АЛЕКСАНДРЪ І.

1804 года, Тифлійскаго полку Поручикъ Мигдановъ съ сорока человекъ ми занималъ Курганъ Мугалепъ, который былъ окруженъ многочисленнымъ не-

✱

пріятелемъ, наносящимъ великій вредъ, но солдаты при мужественномъ Мигдановѣ оборонялись съ невѣроятною храбростію до тѣхъ поръ, что разспрѣлявъ всѣ папроны, не сдались. Между тѣмъ безспрашный Мигдановъ, раненный въ двухъ мѣстахъ, приказалъ бить тревогу, чтобы обратитъ вниманіе другихъ пословъ. — Персіяне ворвались въ Курганъ, и тутъ начался спрашный кровавый бой. Внимательный того полку Маіоръ Монпрезоръ услыша тревогу, послалъ поспѣшно Маіора Токарева съ помощію; но сей прибылъ, когда уже почти всѣ солдаты съ неуспрашимымъ Мигдановымъ были изрублены Персіянами.

Того же года и Тифлійскаго же мушкетерскаго полка Маіоръ Монпрезоръ, хотя и не Русской, но вѣрностію къ новому Опеческву и Государю конечно равняеяся съ Русскими; а попому я долгомъ поставляю себѣ обезсмертитъ имя его, въ примѣръ другимъ; и такъ сей отличныи Офицеръ посланныи изъ подѣ Эривана въ Бомбаки, съ опрядомъ изъ разныхъ полковъ состоящимъ, бывъ пре-

слѣдуемъ Персіянами, отражалъ нападеніе до деревни Сорало; но пущь, будучи окруженъ въ неудобномъ мѣстѣ шести-тысячнымъ Персидскимъ войскомъ подъ начальствомъ Пиръ - Кули-Хана и Александра Царевича, и не могши противу-стоять столь превосходной силѣ, съ подчиненными своими палъ жертвою вѣрности къ службѣ, непозволяющей спасти жизнь свою, не потерявъ пушки ввѣренной ему.

Чья благородная душа не вспомнитъ съ почтеніемъ Монпрезора, Мигданова и имъ подобныхъ? какой отецъ не приведетъ ихъ въ примѣръ сыновьямъ своимъ и не скажетъ: дѣти мои, заклиною васъ всѣмъ, что есть свято, бывъ воинами и бывъ противъ непріятеля, умереть за Опечесство, за Государя своего съ оружіемъ въ рукахъ?

РУССКОЙ СОЛДАТЪ

при

АЛЕКСАНДРЪ I.

Хотя перо мое и слабо, но я люблю о герояхъ говорить, писать и восхищаться, смѣясь всегда и презирая крипиковъ желчию наполненныхъ. Поспупокъ Русскаго солдата восхишилъ благородно-мыслящихъ.

Въ Кремсѣ, 1805 года, Гранодеръ Фанаторійскаго полка (*), оставивъ своихъ поварищей, увидѣлъ себя окруженнымъ чепырьмя Французами, въ томъ числѣ былъ одинъ Офицеръ, которые закричали ему пардонъ и шли прямо на него; но онъ вмѣсто пардона, прицѣлясь отвѣчалъ пулею, двухъ повалилъ однимъ выстрѣломъ, прешьяго шпыкомъ, а чепвертый бѣжалъ, Государь Императоръ

*) Другіе меня увѣряли, что солдатъ, описанный мною, Апшеронскаго мушкетерскаго полка.

приказалъ отыскать сего неизвѣстнаго рыцаря, который безъ хвастовства спалъ въ рядъ съ другими и не думалъ, что онъ опличился. Вотъ истинный Герой! жаль, что не знаю его имени.

МОЛОДЫЙ РЖЕВСКИЙ.

Пожертвованіе жизнью своею родителямъ, свойственнo челоуку по природѣ; умереть за друга должно, но рѣдко случается, хотя таковая смерть есть развязка дружбы; но перестать существовать за врага личнаго себѣ, въ цвѣтъ лѣтъ своихъ отказаться отъ бытія своего, въ пользу непримиримаго, любаго соотечественника, превышаетъ всѣ другаго рода жертвованія, и неслыханно. Такъ поступилъ Иванъ Ржевскій пропивъ Ляпунова, и симъ доказалъ, до какой возвышенной, Божественной добродѣтели можетъ достигнуть челоукъ любящій свое Отечество.

Россія подъ бременемъ бѣдствій стояла, несчастный Царь Шуйскій послужилъ, нынѣ верховнаго владыки; едино-

душіе *казалось* преспало бытъ чувствомъ Россіянъ; безначаліе, гибель народовъ, заступило мѣсто въ душахъ ихъ; *казалось*, ибо лишь только Мининъ и Пожарскій пожелали спасти Опечесство, *всѣ пожелали*; чувство Минина, чувство Пожарскаго, содѣлалось чувствомъ всѣхъ Россіянъ. Бояре ведутъ войска, простолудинъ спѣшивъ спростыся подъ хоругви Опечесства спасти оное отъ Поляковъ, владѣвшихъ тогда Москвою.

Прежде еще Минина, и когда Князь Пожарскій лежалъ израненный въ Троицкомъ монастырѣ, бояре Русскіе выбрали между собою начальниковъ Прокофія Ляпунова, Князя Дмитрія Тимофѣевича Трубецкаго и Ивана Заруцкаго.

Ляпуновъ, хотя и не былъ истинною добродѣтелию украшень, какъ и тогда говорили про него, но мужъ былъ извѣстный дарованіями, искусный въ рапномъ дѣлѣ и спростій блюститель порядка Заруцкій, начальникъ козаковъ, въ злодѣйской душѣ своей готовилъ себѣ счастье, хотѣлъ возвыситься на развалинахъ Опечесства. Таковыя его намѣренія не могли сокрыться отъ прозорли-

ваго Ляпунова, особливо, когда Заруцкій позволилъ козакамъ грабить и опустошать земли Русскія. Голодъ, жалобы, неудовольствія, не предвѣщали ни чего хорошаго. Ляпуновъ настоятельно требуетъ, не только неудовольствія и жалобы разсмоспрѣтъ, но обуздавъ еще козаковъ отъ наглостей и разбоевъ. Заруцкій раздражился на него за сіе праведное требованіе, и подослалъ злодѣевъ, тайно умертвить своего соповарища.

Молодой Ржевскій, дворянинъ, узнавъ о семъ злоумышленіи, забываетъ свою ненависть *) противъ Ляпунова; польза Опечества заставляетъ его видѣть однѣ достоинства во врагѣ своемъ. Онъ уже успавши Ляпунова, защищаетъ жизнь его съ удивительнымъ мужествомъ, падаетъ мертвъ по полученіи многочисленныхъ ранъ. Ляпуновъ не пережилъ своего защитника, онъ палъ бездыханенъ съ оружіемъ подлѣ тѣла *единственнаго* Ржевскаго. Души ихъ конечно соединились въ странахъ немерцаемыхъ, безпредѣльныхъ.

*) Вражда — семейная, и личная молодого Ржевскаго противъ Ляпунова.

Ты же, почтенный Ржевскій! ты не умеръ, ты переживешь вѣки; падутъ Царства, родятся роды, а ты всегда будешь живъ въ душахъ, копорыя умѣютъ поспигать великость подвиговъ твоихъ! Тебѣ подражать, великій человекъ, — *значитъ* быть бессмертнымъ. Тебѣ также когда-нибудь воздвигнутъ памятникъ; ты неоспоримо заслужилъ оный!

БУТУРЛИНЪ.

Наружность часто обманывается, и дѣла добрыя часто источникомъ имѣютъ порокъ.

ПЕТРЪ Великій, окончивъ свое путешествие по чужимъ краямъ, возвращается въ Москву, гдѣ дошли до него жалобы на нѣкопорыхъ судей и другихъ начальниковъ, что берутъ взятки. Государь крайне симъ былъ прогнѣванъ, и готовъ предать жестокимъ наказаніямъ злодѣевъ. Генераль-Лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, бывшій съ нимъ въ путешествіи, и случившійся при

оныхъ жалобахъ, сказалъ ПЕТРУ Великому: *Пока самъ Ты не перестанешь брать взятки, то никогда неистребишь оныхъ и въ подданныхъ Твоихъ; Твоей примѣрѣ сильнѣе всѣхъ Указовъ, дѣйствуетъ надъ сердцами ихъ.*

Монархъ раздражается столь дерзкими словами и говоритъ: *Какъ ты смѣешь такую сплестъ на меня ложь!* Не ложь, перебилъ въ сердцахъ Бупурлинъ, а правду; не сердись, Государь, а выслушай: Въ проѣздъ нашъ чрезъ городъ Тверь имѣлъ я кварпиру у тамошняго купца бывшаго тогда въ оплучкѣ, а оспавалась дома жена его Ивановна; случились въ этотъ день именины ея, къ ней собрались на обѣдъ гости, куда и я приглашенъ былъ. Лишь только сѣли мы за столъ, пришелъ изъ Магиспрапа городской спароспа, съ пребываніемъ въ этотъ же часъ спа рублей, говоря: Магиспрапъ-де въ общемъ собраніи опредѣлилъ, поднеси по упру Государю въ подарокъ такую-то сумму денегъ. По расчисленіи предписано съ ихъ дому взять спорублей.

Вспревоженная симъ именинница проситъ обождать пріѣзда ея мужа, копо-

раго она ожидаетъ къ завтрему. Спаросла отвѣстивуеиъ, что время не терпимъ; она клянется, что у ней нѣтъ наличныхъ денегъ; но онъ сказываетъ ей, что безъ денегъ не вѣрно ему выходить ни изъ котораго дому, и что буде того часа не сыщутъ ихъ, то возьмутъ ее подъ карауль.

Веселье превращается въ тоску, и бѣдная Ивановна со слезами снимаетъ съ себя жемчужный уборъ и отдаетъ оный ему. Спаросла не беретъ, а пребываетъ денегъ. Въ сей крайности именинница схватя себя за волосы, горько зарыдала, а гости изъ за стола одинъ за другимъ съ огорченіемъ вспавали и разошлись, говоря про себя: пойдете, братцы, домой, припасаетъ денегъ на означенный подарокъ Государю, сколько на каждого положено будетъ.

Я уговаривалъ спарослу: подожди, спарикъ, до утра; придетъ мужъ Ивановны и отдастъ тебѣ деньги, вѣдь-де не такая бѣда, что не можно обождать. Спаросла на это мнѣ сказалъ: баринъ! я человекъ подвластный, мнѣ опсрочивать никому не вѣрно ни до вечера, а вынь, да положи, да и только.

Жалость, смолпая на хозяйку мою, сполько пронула меня, что я принужденъ былъ дать ей свои деньги. Она такъ обрадовалась, что бросившись мнѣ въ ноги, приносила Богъ знаетъ какія благодарности. Вотъ каковы добровольные, какъ говорятъ Тебѣ, подарки, и Ты часто получая оныя, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій; такъ разсуди же, Государь, заключилъ Бушурлинъ, можно ли послѣ сего требовашь, чтобъ не брали взятки, когда видяшь, что Ты и самъ ихъ берешь?

Великій Монархъ выслушавъ столь неприятную правду, обнялъ Бушурлина, благодарилъ, что онъ вывелъ его изъ заблужденія и вразумилъ, не только сей подарокъ, но и опъ прочихъ городовъ поднесенные подарки возвратилъ, и за правило положилъ, никогда уже не принимая ни опъ кого оныхъ. АЛЕКСАНДРЪ I, нашъ ИМПЕРАТОРЪ, Указомъ подтвердилъ сіе правило ПЕТРА Великаго.

Государь позволяющій подданному говорить себѣ и колкую истину, видитъ зло и не даетъ оному утвердиться. Подданный

же, каковъ Бутурлинъ, заслужилъ благословеніе современниковъ и сохранилъ память о себѣ въ потомствѣ.

О ЛОНЕЦКОЙ ВОЕВОДА ВИНОВАТЪ.

Солнце освѣщаетъ вселенную, и благопворно для всѣхъ; Государь объѣзжаетъ свое Государство, видитъ честность, справедливость, награждаетъ; видитъ зло, нечестіе, наказываетъ, облегчаетъ долю ихъ и уподобляется своему Создателю.

ПЕТРЪ Великій часто посѣщалъ и нечаянно города своихъ владѣній; снрядъ сего Государя былъ: лѣпомъ мундирная пара, плащъ и нѣсколько бѣлья, деньщикъ, а иногда и два; зимою прибавлялась шуба, шапка и теплые сапоги. Обѣдъ сего безсмертнаго Монарха былъ гошовъ вездѣ, пошому что онъ употреблялъ все; кухня за нимъ никогда не пащилась.

Въ одну изъ шаковыхъ поѣздокъ, прибыль ПЕТРЪ въ Олонецъ и прямо къ Воеводской Канцеляріи. Вошедъ въ оную, заспаль въ ней Воеводу, мужа украшеннаго сѣдинами, простосердечіемъ и непорочностію. Монархъ спросилъ его, какія естъ въ Воеводской Канцеляріи челобитчичьи дѣла? — Воевода въ спрахъ повергается къ ногамъ Его Величества, и дрожащимъ голосомъ говоритъ: виноватъ, Всемилостивѣйшій Государь! никакихъ нѣтъ. Какъ никакихъ нѣтъ! Никакихъ, повпоряетъ въ слезахъ Воевода. *Виноватъ, Государь; я никакихъ челобитенъ не принимаю, и до разбора Канцеляріи не допускаю, а всѣхъ мирю, соглашаю, а по сему и слѣдовъ ссоръ въ Канцеляріи никогда не бывало.* Удивленный Монархъ опъ шаковой вины, поднявъ споявшаго на колѣняхъ Воеводу, сказалъ: *я бы желалъ и всѣхъ Воеводъ видѣть виноватыми такъ какъ и ты; продолжай, другъ мой, такое служеніе; Богъ и я не оставимъ тебя.*

Спустя нѣсколько лѣтъ, Монархъ примѣпивъ въ Коллегіи Адмиралтейской несогласіе между Чернышевымъ и Крейцомъ,

послалъ указъ къ Воеводѣ оному, повѣ-
лѣвающій бытъ ему въ Санктпетербургъ.
По прїѣздѣ опредѣлилъ его Прокуроромъ
Коллегіи и сказалъ: почтенный спарикъ!
Я желаю, чѣмъ ты и здѣсь былъ так-
же виноватымъ какъ и въ Олонцѣ, и не
принимая никакихъ ссорныхъ объясненій
отъ членовъ, мирилъ бы ихъ; ты ни чѣмъ
столько не послужишь Богу и Мнѣ, какъ
водворивъ между ими миръ и согласіе.

Хотя не знаемъ имени сего почтенна-
го Воеводы; но онъ оспанется незаб-
венъ въ сердцахъ *людей*, и честью Рос-
сіи и челоѳчества.

Другъ Россіи! другъ челоѳчества! еже-
ли ты знаешь имя сего, злаго вѣка
почтеннаго спарца, назови его, и пѣмъ
возвесели духъ мой, духъ моихъ образо-
ванпелей-Россіянъ.

АХВЕРДОВЪ.

Челоѳкъ созданъ дѣлать добро. ГОСУ-
ДАРЬ болѣе всѣхъ можетъ исполнишь
сію волю Божію; онъ подобенъ Творцу,
когда не забываетъ благопворишь сво-

имъ подданнымъ; счастливъ, когда окруженъ людьми, которые, изъ ревности къ нему и Опечесству, напоминають ему о долгѣ его.

Безсмертный Ломоносовъ пѣлъ побѣдоносный конецъ царствованія Императрицы АННЫ; пѣлъ двадцатилѣтнее счастливое, кропкое, науками и побѣдами увѣнчанное владычество Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ; пѣлъ вступленіе на Престоль ПЕТРА III и два манифеста его (*); пѣлъ Великую ЕКАТЕРИНУ II; воспѣлъ славу Россіянъ. За все сіе никто не напомнилъ имъ о Русскомъ Пиндарѣ; и есѣли бы покойный Канцлеръ Графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ не воздвигъ иждивеніемъ своимъ мраморнаго памятника на гробъ его, то молодой, чувствительный Россіянинъ, не могъ бы пролить слезъ благодарности надъ прахомъ Ломоносова. Такъ бываетъ въ мірѣ семъ!

(*) Первый о вольности Дворянъ 18 Февраля 1762 года, второй объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи 21 Февраля тогоже года.

ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ I. предоспавлено было Всемогущимъ, загладишь забвеніе о Ломоносовѣ, который украшалъ царспвозаніе Предковъ Его; орудіемъ же сего знаменипного дѣла былъ Генераль-Маіоръ, Архангельскій Губернапоръ, Николай Исаевичъ Ахвердовъ (*). Сынамъ Россіи конечно вмѣстѣ со мною пріятно будетъ воздашь почпеніе почпившему Великаго. Въ слѣдующихъ спрокахъ увидишь чипапшель, какимъ образомъ попомспво Ломоносова, опъ сеспры его, избавлено опъ подушнаго оклада и рекрупскаго набора.

1799 года, Марша мѣсяца, Генераль-Маіоръ Ахвердовъ, приѣхалъ на Губернапорспво въ Архангельскъ. Обѣзжая уѣзды сей Губерніи, узналъ Марью Васильевну Головину, родную сеспру великаго Ломоносова, въ креспьянскомъ быпу живущую. Тронуло Ахвердова знакомспво сіе, особенно когда узналъ онъ, что внука ея и Ломоносова записали въ

(*) Нынѣ Генераль-Лейптенантъ, при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Князьяхъ Кавалеромъ.

солдапы, на ряду съ прочими. Тогда пламеннымъ перомъ, приличнымъ Россіянину, написалъ къ бывшему Генераль-Прокурору, Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, письмо, въ которомъ съ жаромъ говоришь о знапныхъ услугахъ, оказанныхъ Ломоносовымъ словесности Россійской, и что духъ великаго и нынѣ воспламеняетъ юность, лѣта, полъ и мастипую спароспъ, любитъ изящное въ слоѣ, любитъ Россію и быть преданнымъ Государямъ своимъ. По помъ пишешь, что родная сеспра Ломоносова Головина, съ попомспвомъ своимъ въ креспьянспвѣ живущая, просипъ ради брапа ея Ломоносова освободитъ ее отъ рекрупспва; заключаешь, что въ Россіи болѣе нежели гдѣ доспоинспва опличаются и сіе опличіе проспирается и на попомковъ.

Князь Куракинъ, по полученіи письма, въ поспъ же, или на другой день, доложилъ Императору, который въ то же мгновеніе подписалъ слѣдующій Указъ:

„Въ уваженіе памяти и полезныхъ познаній знаменипаго Санктпетербургской Академіи наукъ Профессора, Спаша

„скаго Совѣтника Ломоносова, Всемило-
 „спивѣйше повелѣваемъ, рожденнаго отъ
 „сестры его Головиной сына, Архангель-
 „ской Губерніи, Холмогорскаго уѣзда,
 „Машигорской волости крестьянина Не-
 „пра съ дѣтьми и попомствомъ ихъ, изъ-
 „ключа изъ подушнаго оклада, освобо-
 „дитъ отъ рекрутскаго набора.

Нашъ Лафонпенъ (*) 22 Августа
 1799 года, въ день изданнаго Указа о
 попомствѣ Ломоносова, въ возпоргѣ на-
 писалъ слѣдующее:

О радость! дайте, дайте лиру!
 Я вижу Пинда божество! —
 Да возглашу въ возпоргѣ міру
 Россійской лиры торжество
 И новый блескъ Монаршей славы!
 Талантамъ возвратились правы!
 Герой, вельможа, судія!
 Не презирайте днесь пѣвцами.
 Самъ ПАВЕЛЪ ихъ равняетъ съ вами,
 Щедроты лучъ и къ нимъ лія.
 Се гласъ его, гласъ благопворный,
 Несется до морскихъ валовъ,

(*) Нынѣ Министръ Юстиціи Иванъ Ивановичъ
 Дмишріевъ.

При коихъ жребію покорный,
 Кидаешъ мрежи рыболовъ:
 „Взнеси чело, ему вѣщаешъ:
 „Царь иго съ плечъ твоихъ снимаетъ.
 „Твой предокъ Ломоносовъ былъ.
 О ПАВЕЛЪ! Ты единымъ словомъ
 Не потрясая міра громомъ,
 Безсмертіе себѣ купилъ.
 Падутъ надменны пирамиды
 Съ размаха Кроновой руки;
 Загладятся Трофеевъ виды,
 Исчезнутъ храбрые полки,
 И царства, ими покоренны;
 Но дарованія неплѣнны.
 Въ потомствѣ новый Амфіонъ
 Впорый возникнетъ Ломоносовъ
 И дальній родъ познаетъ Россовъ,
 Что украшалъ Ты Царскій Тронъ.
 Слава Монарху ПАВЛУ I! честь Ах-
 вердову! похвала Куракину! благодар-
 ность Русскому Лафонтену!

Г У Р Ь Е В Ъ.

Строгость должна *есть* душа правосу-
 дія, а правосудіе *есть* душа самодержа-
 вія; пакъ мысля ПЕТРЪ Великій, опре-

дѣлилъ казнь тому, кто осмѣлился по-
дать ему недѣльную прозьбу на *святи-*
лище правосудія, Сенатѣ; и подобному же
наказанію подвергъ и Сенапъ, когда бы
онъ рѣшилъ въ пользу неправаго.

ПЕТРЪ болѣе всего любилъ прилѣжныхъ
и знающихъ свое дѣло людей, а по тому
корабельный и камельный масперъ Гуръ
Ивановичъ Гурьевъ носилъ милость его.
Однажды Монарху, бывшему на рабо-
сахъ въ Адмиралтействѣ, Гурьевъ по-
далъ бумагу; Государь думая, что она
касается должности его, принялъ, развер-
нулъ, и разсмотрѣвъ сказалъ: *это телобит-*
ная на Сенатѣ. Такъ, Государь. *Да знаешь ли*
ты законъ, что тому определено, кто на Се-
натѣ бьетъ челомъ? Знаю, Государь. *И ты*
зная просишь? Знаю и бью челомъ на онъ.
Пожалуй, Гуръ, продолжаешь Монархъ,
возьми назадъ телобитную свою, покажи ее
знающимъ болѣе твоего законы и потолкуй съ
ними гораздо; на что даю тебѣ три дни
сроку; мнѣ жаль потерять тебя.

Черезъ три дни Гурьевъ подаетъ бума-
гу. *Это та же*? Та же, Государь. *И ты по-*
казывалъ ее законоискусникамъ? Показывалъ,
и они меня оправдываютъ. „Боюсь, Гуръ,

„чпобъ ты не былъ виноватъ; пожалуй
 „пойщи лучшихъ изъ нихъ; рассказавъ чи-
 „спосердечно все дѣло, потолкуй съ
 „ними поприлѣжнѣе и чрезъ три дни
 „скажи мнѣ о томъ.„ Быть такъ, Госу-
 дарь, есѣли Тебѣ угодно.

Чрезъ три дни Государь получа опять
 ту же челобитную, спрашиваетъ: „Под-
 „линно ли, Гуръ, удостовѣрился ты о
 „своей справедливости? Удостовѣрился,
 Государь. „Дай Богъ, чпобъ ты былъ
 „правъ.„

Дѣло Гурьева состояло въ томъ, что
 сосѣдъ по деревнѣ его, господинъ знаш-
 ный, надѣясь на свою знашность и зна-
 комство съ господами Сенапорами, за-
 владѣлъ частію земли его, которая была
 ему *къ стати*. Дѣло бывши въ нижнихъ су-
 дахъ, по аппелляціи дошло до Сенапа.
 Господинъ сей прозьбами и хитрыми
 объясненіями склонилъ Сенапоровъ на
 свою сторону; онъ былъ оправданъ, а
 Гурьевъ обвиненъ.

Монархъ прочитавъ челобитную, въ
 томъ же вечеръ позвалъ къ себѣ Оберъ-
 Секретаря Сенапскаго съ дѣломъ симъ,
 и разсмотрѣвъ, нашелъ оное справедливымъ

со стороны Гурьева; каковаго заключенія Оберъ-Секретарь не могъ оспорить. *Чего жъ ты смотришь?* Виновать, Всемило-спивѣйшій Государь, недоразумѣль. *Недоразумѣль!* такъ я тебя вразумлю. Съ этими словами далъ почуствованъ ему крѣпость палки своей, а дѣло велѣлъ къ завтрему приготовить къ докладу: Я самъ завтра буду въ Сенапъ.

Оберъ-Секретарь съ дѣломъ симъ зашелъ къ старшему Сенапору Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову, подписавшему также обвиняющее Гурьева опредѣленіе. Сей непоколебимый въ истиннѣйшій человѣкъ, въ ту же ночь разсмотрѣвъ прилѣжно дѣло, и видѣвъ, что оно рѣшено неправо, рано по утру привезъ въ Сенапъ. Скоро прибылъ и Монархъ. Гурьевъ стоя на крыльцѣ, поклономъ напомнилъ о себѣ. Первое слово Государево вошедши въ Сенапъ было: *подайте дѣло Гурьева!* Яковъ Ѳедоровичъ Князь Долгоруковъ, вспавъ съ мѣсца своего, и подошедъ къ Монарху, говоритъ: Великій Государь! признаюсь предъ Вашимъ Величествомъ какъ предъ Богомъ, что я всегда, всякое дѣло разсмотрю, про-

чишаю, да и опянь разсмопрю, а по-
 томъ и подпишу; а се подписалъ въ
 первые не чипая. Я, Всемилоспивѣйшій
 Государь, при рѣшеніи онаго за болѣзнію
 моею не былъ въ Сенапѣ, и не чипая,
 дома, лежа въ постелѣ, подписалъ, поло-
 жась на поварищѣ моихъ подписавшихъ
 уже оное; но какъ узналъ, что Ваше
 Величество изъ Сенапа попребовали
 къ Себѣ, взялъ и я, и увидѣлъ, что Се-
 напѣ не вникнувъ порядочно, въ рѣше-
 ніи погрѣшилъ; за что прошу въ неумы-
 шленномъ прослупкѣ прощенія. ПЕТРЪ
 не отвѣчалъ ни слова Долгорукову, а
 приказалъ дѣло перерѣшишь и опняное
 у Гурьева возврашшь; съ соперника его,
 какъ съ человѣка коварнаго, описашь
 столько же земли, и пятьдесятъ душъ
 кресчанъ, и отдашь ему же Гурьеву;
 а съ Оберъ-Секретаря и Сенапоровъ
 взявъ по двѣсти рублей штрафу, ото-
 слашь въ гошпиталь; заключилъ слѣдую-
 щимъ: „По елику по законамъ положена
 „смерть тому, кто неправо проситъ на
 „Сенапѣ; по разумѣется, что и Сена-
 „поры подвергаются той же казни за
 „неправое рѣшеніе, отъ которой и не

„можешъ онъ ихъ избавитъ, естѣли не
 „проситъ ихъ Гуръ Гурьевъ,, Сказавъ сіе,
 вышелъ изъ Сенапа; увидя на крыльцѣ
 Гурьева, ударивъ его по плечу, сказалъ:
 „поди домой и будь покоенъ,, Гурьевъ и
 дѣйствительно радуясь успѣху въ дѣлѣ
 своемъ, расположился оспаться дома.

Долгоруковъ съ сокрушеннымъ серд-
 цемъ выговаривалъ товарищамъ своимъ
 за ихъ неосмотрительность и приспра-
 сніе, и далъ слово, что не будетъ
 впредь имъ вѣрить ни въ чемъ. Теперь
 избавишься бѣды иначе не можемъ, про-
 должаетъ Долгоруковъ, какъ испроситъ
 у Гурьева прощеніе. Сенапторы знали Го-
 сударя своего, а по тому прелепали при-
 говора имъ сдѣланнаго. Приспустили къ
 Долгорукову, чѣмъ онъ испроситъ имъ
 у Гурьева прощеніе. Князь со всѣми Се-
 напорами изъ Сенапа поѣхалъ къ себѣ
 домой, и позвавъ Адьюпанпа своего,
 говоритъ: Возьми мою одноколку, поѣз-
 жай къ Гуру Ивановичу Гурьеву, и про-
 си его ко мнѣ, именно такъ: Князь Дол-
 горуковъ кланяется Вашему Высокобла-
 городію и проситъ пожаловать къ нему
 теперь въ домъ; онъ прислалъ къ вамъ

и одноколку; онъ бы-де и самъ былъ къ вамъ, когда бы спаросъ и недосуги ему не препятствовали.

Гурьевъ приѣхавъ къ Долгорукову, не успѣлъ войти, какъ Сенапторы убѣдительно и униженно просили его начали, чѣмъ онъ пожаловалъ просили ихъ. Гуръ не ожидавъ сего, кланяясь каждому говорилъ: Богъ прости Ваши Сіапельства и Ваши Высокопревосходительства. Обрадованные Сенапторы благодарили его чувствительно, и одаря кѣмъ чѣмъ могъ, оппустили.

Послѣ сего Долгоруковъ поѣхалъ къ Государю и донесъ ему, что Гуръ Ивановичъ простили ихъ. *Хорошо, сказалъ Монархъ, счастливы вы, что попали на добраго человека; а то бы я показалъ вамъ, какъ поступаютъ съ тѣми, кои вмѣсто того, чтобъ наблюдать истину и быть примѣромъ въ правосудіи, сами нарушаютъ оное.* Опустивъ Князя, послалъ за Гурьевымъ; вошедшему говорилъ Государь: ты ихъ простили? Простили, Государь. Да какъ простили? не угрожали ли они тебѣ чѣмъ-нибудь? Нѣтъ, Государь, и рассказалъ все подробно и чѣмъ одарили его. Монархъ

былъ доволенъ, усмѣхнулся и оппустилъ его.

Подобные случаи были причиною, что Сенаторы, разсмапривали дѣла, знали законы, не впадали въ посползновеніе, и оспавались вѣрными сынами Опечеспва. ПЕТРЪ безсмертенъ.

КНЯЗЬ Г. КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ

СЪ РУССКИМИ.

1812.

Съ сердечнымъ удовольспвіемъ повторяю: Народъ Русской! народъ великой! народъ единспвенный въ мірѣ по доблеспямъ душевнымъ! къ тебѣ опять обращаю рѣчь мою. — Кипитъ въ жилахъ кровь моя, сонъ не смыкаетъ вѣжди мои, тоска овладѣла мною; лью слезы, что не учаспвую въ неподражаемыхъ подвигахъ твоихъ, оружіемъ, пропивъ злодѣя Бонапарте, первой разъ еспеспвомъ созданнымъ и въ то же время подобно Педарешу Спарпанцу горжусь, что еспѣ тысячи лучше меня, умѣющихъ подвизаться, на рапномъ полѣ, на полѣ славы.

Педарепъ изъявилъ радость, что приспа
гражданъ въ Лакедемонѣ есть лучше
его; а я восклицаю: каждый рапникъ про-
ливающій кровь свою за Вѣру, Опече-
ство, Государя, за меня собствен-
но, и лучше меня и полезнѣе меня; но въ
то же время сердце мнѣ говоритъ и ра-
зумъ соглашается, что рапникъ сей
счастливей меня, хотя смерть и носип-
ся надъ главою его.

О! любезные соотечественники, жиз-
нію жертвующіе благу, не токмо Рос-
сіи, но благу вселенныя! знайте — и вы
знаете, что избрали поприще самое бле-
стящее, поприще, прямо къ вѣчной сла-
вѣ ведущее; а по тому принесите бла-
годареніе Творцу за сіе избраніе. — И вы
приносите, и ѳиміамъ изъ сердець при-
знапельныхъ возносите къ небесамъ.
Вы подъяли мечъ, но вашъ мечъ правдою
извлеченный на коварнаго врага, самымъ
Богомъ благословляется. Какъ завидна
доля родителей вашихъ, имѣющихъ въ
сынахъ своихъ поборниковъ за дѣло пра-
вое! какъ счастливы супруги и дѣти ва-
ши, имѣющіе въ васъ зищипниковъ Оче-
чества и ихъ самихъ!

Когда врагъ люпый, безъ объявленія войны, вшоргся какъ папъ въ предѣлы наши, я сказалъ: *) „Великій народъ Русской! взнеси чело свое, укрѣпи духъ свой, окинь взоромъ окрестъ себя; и ты зришь вездѣ профеи, и ты внимаешь, какъ слава неумолкно носится по шебѣ! Тебѣ ли, народъ избранный, не чувствоватъ величія своего?“ Се исполнилось сказаніе мое, ты взнесъ чело свое, народъ первый! народъ Русской! окинулъ взоромъ окрестъ себя, вспомянулъ предковъ своихъ, почувспвовалъ великое рожденіе свое, опоясася мечемъ славы, извлекъ рукою мужеспвенною, и лязвее онаго по велѣнію Князя Смоленскаго, пораза, обрапило въ ничто силы вражескія, и ты, вѣнчанный лаврами, шагнулъ черезъ Нѣмень, ищешь враговъ и не находишь, *и бѣ всѣмъ страшенъ и нейдяше ни кто же статъ противъ тебя.*

Такимъ образомъ Богъ благословляетъ успѣхами пошъ народъ, копорый держась свято присяги своей, любитъ въ Императоръ Опечеспво, а въ Опечеспвѣ Государя своего.

*) Чувства Русскаго, печатанныя 18 Іюля 1812.

Разогни книгу вѣковъ, укажи мнѣ народъ подобный Русскому? и всѣ безмолвствуютъ. Меня съ дѣтства приучали знать народъ Русской, и я на возрастѣ, хотя слабымъ, не выпѣивеннымъ перомъ, но усердіемъ преисполненнымъ, не разъ обнаруживалъ качества душевныя того великаго народа, по бытописаніямъ и въ древноопи славнаго.

Но оставимъ времена дальныя и начнемъ говорить о временахъ насъ стоящихъ; на что намъ обращаться всегда къ сѣдой древноопи! для чего выводимъ примѣры минувшіе! довольно, когда скажемъ: мы нынѣ, наученные дѣлами вѣковъ бывшихъ, ознаменовали себя славою и едва ли не превзошли ихъ.

Были времена, и кому сіи времена не знаемы? что цѣль жизни всѣхъ народовъ и Государей была, война. Ужасно воспоминаеть! — чипаешь и содрогаешься, что человекъ человека не зная ненавидеть, ищетъ не токмо гибели его, но смерти; не только смерти, но хочетъ изгладить и мѣсто, гдѣ пребывалъ ему подобный.

Христіанская вѣра смягчила нравы, и люди хотя и проливали кровь людей,

но представляли причины; народы нападали на сосѣдей, но выискивали предлоги; Государи объявляли войны Государямъ, но давали знать, что понудило принять оружіе; а нынѣ, въ такъ называемый по освященный вѣкъ, народъ гордившійся предъ всѣми другими народами любезностію, знаніями и даже *умомъ*, въ *земль* *многіе* стараются *увѣрить* меня, народъ Французской, говорю, по одному манію, по одному желанію своего идола, адомъ рожденнаго, нападаетъ на народы, безъ объявленія войны, бьетъ, сожигаетъ; словомъ: даетъ волю звѣрскому своему сердцу, чѣмъ превъсипъ въ лютоствѣхъ Канибаловъ. Ни Богъ, ни вѣра, ни покорность, не останавливаютъ подданныхъ Бонапарте, удивлять свѣтъ неслыханными доселѣ злодѣянiami даже у тѣхъ народовъ, кои имѣли слабость преклонить выи свои предъ Цареубійцами. Творецъ достойно наказалъ безбожныхъ Французовъ, давъ имъ во владыки Бонапарте.

Видимо было, что и намъ Русскимъ не миновать бѣды; а по сему Императоръ нашъ Александръ Первый, вступая на

Престолъ Всероссійскій, первѣйшимъ долгомъ пославиль себѣ, даровать миръ подданнымъ Своимъ, и успѣлъ. •

Уже чепыре года, благоденствіе, счастье господствуеши въ Россіи; ни что, казалось, не можеши нарушиши покой, въ Царствованіе Государя миролюбиваго, кропкаго, народъ Свой на высочайшую степень блаженства возвести желающаго, въ Царствованіе Монарха, господстваго исполниши съ душевнымъ удовольствіемъ, и по наклонности собственнѣйшей Своей намѣренія Великія Екатерины, которая въ Божественномъ своемъ Наказѣ говориши: „Боже сохрани! чтобы послѣ „окончанія сего законодательства былъ „какой народъ больше справедливъ, и слѣ- „довательно больше процвѣтающъ на землѣ.“ — Александръ, повпоряю, вступа на Престолъ обширной Своей Имперіи, все, что только можно, употребиши, дабы блаженнѣе Россійскаго народа не было во всей вселенной; по чему война, яко нарушительница счастья смертныхъ, прекращена: но несправедливости Бонапарте, похитителя Французскаго престола съ сосѣдами своими; но

нарушеніе Люневильскаго мира, хопя и онымъ поколебаль коренныя поспановленія Германіи; но завоеванія непозволипельныя; но основанія новыхъ владѣній; но злодѣйское убіеніе Дюка Энгіенскаго; но припѣсненіе Ганноверцовъ, и наконецъ прозьбы Авспрійскаго Двора, преклонили нашего Императора, владыку могущеспвеннаго Государспва, двигнуть побѣдоносныя Россійскія войска за предѣлы Россіи, для водворенія равновѣсія въ Европѣ. Кому же поручить начальство надъ беспрашными? Суворова нѣтъ; великій духъ его, носясь надъ нами, созерцаетъ насъ съ высопѣ небесныхъ, и желаетъ намъ блаженспва.

Но не съпуйте, любезные соотечеспвенники! Россія имѣетъ еще мужей достойныхъ водить войска на побѣды.— Купузовъ одержимый слабоспю здоровья, удаленный, живетъ въ помѣспьяхъ своихъ, въ пишинѣ бесѣдуетъ съ великими умами спольпій минувшихъ, и еще обогащается познаніями, на пользу всегда любезнаго ему Опечеспва; еще кровь волнуется у него; еще хочетъ бытъ полезнымъ народу Русскому, Государю

своему. Казалось, что Купузовъ былъ забытъ; но нѣтъ, Александръ знаетъ людей преданныхъ Ему; предстоить нужда; должно поручить войско человеку, испытанному въ военной наукѣ. Государь Императоръ, умѣющій цѣнить достоинства и отдавать справедливость каждому, вспомнилъ о Купузовѣ, вызываетъ его и поручаетъ ему начальство надъ пятидесятью тысячами Русскихъ. Сей забываетъ спарость свою, раны свои; горитъ неперпѣніемъ услужить Государю и соотчичамъ; *идетъ*, и въ скорости переходитъ почти двѣ тысячи верстъ; *спѣшитъ* соединиться съ Австрійскимъ стоштысячнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ Барона Макка, какъ узнаетъ, что Маккъ, по маломъ сопротивленіи, при Ульмѣ, положилъ оружіе предъ Французами. Купузовъ останавливается у Браунау, и съ сего мѣста начинаетъ свою блестящую *ретираду*. — Отступленіе славное Купузова неуступаетъ отступленію Ксенофонта Аѳинянина. Доселѣ молодые люди поучались у Сократова ученика, отступая,

бить враговъ; нынѣ Кутузовъ да послужи имъ примѣромъ.

Сынъ брани, внимательный сподвижникъ великаго Суворова, безспрашный Князь Баграпiонъ, назначается Кутузовымъ подручнымъ полководцемъ и въ передовомъ полку начальникомъ, а храбрый Милорадовичъ въ западномъ.

Кто душею Русской, и не знаетъ военныя дѣла Русскихъ 1805 года? Кому не извѣстно, что Кутузовъ, жестоко поразивъ Французовъ при Кремсѣ *), заспавилъ Маршала Мортье спасаться бѣгствомъ на рыбацкѣй лодкѣ? Россiяне при семъ случаѣ получили и пушки, и взяли много плѣнныхъ.

Кому, говорю, неизвѣстно, что безспрашный Князь Баграпiонъ поразилъ Мюрата два раза **)? Второе дѣло, бывшее 5 Ноября, покрыло славою Баграпiона: припцатиштысячный корпусъ Французской арміи, подъ предводительствомъ Мюрата, напалъ на шесть тысячъ Рус-

*) 1805 Октября 30.

**) 1805 первый разъ 23 Октября, второй 5 Ноября тогоже года.

скихъ, окружилъ мужесшвенныхъ; но Багратіонъ пупъ и Россіане штыками очистили себѣ пупъ, и чрезъ два дни соединились у Вишау съ главною арміею.

Не задолго передъ симъ дващатиштысячный корпусъ Русскихъ вступилъ въ Померанію и соединился со Шведами;— въ то же почти время Русскія и Англинскія войска вышли на берегъ въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, и приняты съ распроспертыми объятіями.

Вездѣ, гдѣ проходили Россійскія войска, въ странахъ иноземныхъ, вездѣ оставляли слѣды благосш, дружбы и сокрушеніе въ сердцахъ, своимъ рѣдкимъ устройствомъ, своею честію, такъ писали даже всѣ вѣдомосши иносшранныя, а Французы! Боже! на каждомъ шагу знаки варварсшва; вездѣ слышанъ вопль несчастныхъ, которыхъ Французы въ конецъ раззорили, вездѣ видны слѣды опустошенія, вездѣ ужасныя слѣдсшвія ихъ пребыванія, въ землѣ даже союзниковъ; вездѣ лучше желали имѣть чуму нежели посѣщеніе Французовъ. А кто больше писалъ, какъ не Французы? гдѣ больше процвѣтали науки? Вотъ слѣдсшвія про-

свѣщенія, когда оно не сопряжено съ добропою сердца и съ вѣрою.

Нѣсколько мѣсяцовъ Россійское оружіе гремѣло, поражало враговъ, въ Австрійскихъ владѣніяхъ, въ Италіи, и готовило удары люпымъ Французамъ и въ Помераніи. Европа рукоплескала Русскимъ и увѣрена была, что кропкій Александръ подъялъ оружіе, началъ войну, чпобъ послѣ наслаждашь пишиною; но видя, чпо Францъ II, Императоръ Австрійскій, послѣ Австерлицкаго сраженія, вступилъ въ переговоры съ Франціею *), приказалъ Своимъ войскамъ возвращишь въ Опечесство.

Тогда всѣ мыслящіе люди утвердительно сказали, чпо Римскій Императоръ для того заключилъ миръ съ Бонапарпомъ, чпобъ шѣмъ положишь начало кровопролитнѣйшей войнѣ: полипки Австрійскаго Двора забыли, съ кѣмъ имѣють дѣло; забыли, чпо Бонапарпе не уважаетъ выгодами Европы, и чпо для него законъ равновѣсія непоняпенъ.

Не успѣли Австрійцы, по заключеніи мира, припши въ себя, какъ узнали, чпо

*) 1805 Ноября 20.

Французскія войски, назначенныя для высадки, внезапно двинулись опъ береговъ Океана къ Рейну, гдѣ въ скороспи составила армія изъ спа девяноста тысячъ человекъ пѣхоты и конницы; Бонапарте объявилъ себя предводителемъ оной. Чѣмъ кончилась сія война, всѣ знаютъ, и униженіе Австрійскаго Двора, и новыя возникли Королевства, и наконецъ все то началось швориться, что только адскому уму вымышлять можно.

Россія съ глубокомысліемъ взирала на дѣла неслыханныя по злодѣйствамъ; воображала, перомъ удержавъ Бонапарте; но какія доказательства, чье перо основывъ злодѣя въ замыслахъ его? Чѣмъ добродѣтельнѣе прошивъ Бонапарте, тѣмъ онъ становился дерзновеннѣе; чѣмъ истинна болѣе и болѣе открывала его намѣренія, тѣмъ скрытнѣе начальникъ Французовъ приуготовлялъ и совершалъ свои на разрушеніи общемъ предначертанія.

Наконецъ терпѣнія не стало въ крошечномъ нашемъ Императорѣ Александрѣ; Пруссія простерла длани свои, просила

помощи, и Государь нашъ, соболъзнуя, но двигнуль рапъ *).

Русскія войска переходяпъ границы, хопяпъ соединипся съ Прусскими войсками; но судьба Прусскаго Королевства рѣшена уже была; арміи Прусскія, подъ предводительствомъ Герцога Брауншвейгскаго и Принца фонъ-Гогенлоге, при Ауерштептѣ и Іенѣ, что въ Саксоніи **) разбины Бонапартіемъ; всѣ владѣнія Короля Прусскаго до Вислы, Саксонскія, и многія другія Нѣмецкія области, такъ какъ и крѣпости Штептинъ, Магдебургъ, Шпандау, Киспринъ, безъ осады, съ гарнизонами опдались въ плѣнъ Французамъ; чрезъ нѣсколько дней и самъ Принцъ Гогенлоге съ оспальнымъ войскомъ, по кровопролитномъ сраженіи, опдался въ плѣнъ у Пренцлау; а Генераль Блихеръ, послѣ битвы въ Любекѣ, тоже сдѣлалъ. Оспались только два корпуса Прусскихъ, въ числѣ сорока тысячъ, подъ начальствомъ Калкрейша и Леспока; но что могли сіи войски предпри-

*) 1806 въ Октябрѣ.

**) 1806 Октября 2.

нятъ? Ежедневно сдавались Французамъ и крѣпости и города, и самъ Берлинъ преклонилъ выю свою предъ звѣрскимъ побѣдишелемъ, который болѣе коварствомъ, нежели силою, успѣлъ въ мѣсяцъ покоришь всю Пруссію. Послѣ чего Французская армія переправилась чрезъ Вислу; съ сего времени сраженія, ознаменовавшія Россійское оружіе, и покрывшее славою воинство Русское, извѣстны всѣмъ; побѣды при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадѣ, Гейльсбергѣ, остануся незабвенными въ Исторіи; даже самой Фридландской бой, продолжавшійся болѣе четырнадцати часовъ, не изгладится изъ памяти потомства. Но судьбамъ Вышняго благоугодно было, прекратить кровопролитную войну; да будетъ святая воля Его! — подписанъ миръ между Пруссіею и Франціею въ Тильзитѣ *), чрезъ которой Бонапарте еще болѣе усилился; Пруссія же по желанію Императора Всероссійскаго осталась Королевствомъ.

По заключеніи сего мира, Бонапарте возмнилъ о себѣ, что онъ непобѣдимъ,

*) 1807 Іюня 27.

и что судьба царствъ, вселенныя, какъ бы отдана была ему въ опеку. — Нѣтъ предѣловъ честолубія его, онъ не насытился еще кровію человѣческою. Какая ему нужда, что съ пролипіемъ крови другихъ народовъ проливается въ то же время и кровь Французовъ? исполнялось бы его желаніе, и все исчезни. Держась сихъ адскихъ правилъ, Бонапарте вскорѣ съ многочисленнымъ воинствомъ нападаетъ *) на Австрійцевъ, и хопя сіи и дрались, достойно своихъ предковъ, но коварство верьхъ получило, и черезъ чепыре мѣсяца **) подписанъ въ Вѣнѣ мирный договоръ между Австрією и Францією, по которому не токмо Австрійскій Императоръ долженъ былъ уступить многія земли, и лишиться болѣе трехъ миліоновъ подданныхъ, но слѣдствіемъ сего же мирнаго договора было, что Бонапарте осмѣлился просить себѣ въ супруги старшую дочь Императора Австрійскаго; какая дерзость Корсиканца! Францъ II, хопя съ сокрушеннымъ сердцемъ, но думая пѣмъ со-

*) 1809 Іюня.

**) 1809 Октябрю 2.

дѣлать благо своимъ подданнымъ, согласился на сей *прискорбный* для Австріи бракъ. *)

Ненасыщенный неправедными завоеваніями бросился какъ люпый звѣрь на послушныхъ и покорныхъ союзниковъ своихъ Испанцевъ и Португальцевъ, овладѣлъ Королевскою Испанскою фамиліею, отвезъ оную во Францію и объявилъ брата своею Іосифа Бонапарте Королемъ Испаніи; Португальская Королева съ фамиліею своею отъ чудовища Бонапарте переѣхала въ Бразилію; и вотъ уже нѣсколько лѣтъ Испанцы и Португальцы защищаютъ независимость свою оружіемъ, подъ предводительствомъ Веллингтона Англичанина.

Казалось, послѣ всего сказаннаго мною, чего желать Бонапартію? Уже онъ превзошелъ чаяніе свое; но адъ въ душѣ его клокочетъ; онъ не можетъ быть спокоенъ, видя Россію въ славѣ, силѣ, въ могуществѣ и торжествѣ; и хопя онъ весь шарпартъ призывалъ къ себѣ на совѣтъ, но все тщетно. — Всѣ его зацѣпи,

*) 1810 Генваря 26.

къ чести Россіи кончились; онъ возбу-
диль Опшоманскую Порту, объявить
Россіи войну; онъ коварствомъ своимъ
успѣлъ посѣять раздоръ между Россіи
и Англіи; его дѣло было вооружить Шве-
довъ противъ Русскихъ; его же агенты
возжгли пламенникъ и въ Персіи противъ
Россіи же: — и это все приводиль въ
дѣйство Бонапарте подъ личиною прія-
зни, дружбы — желая блаженства намъ
Русскимъ!!

Доколѣ, Господи, позволишь носить
землѣ сіе чудовище! Доколѣ гнѣвъ твой
будеть наказывать вселенную бытіемъ
Бонапарте! умилосярдися надъ дѣлами
своими, душами чистыми, съ умилені-
емъ къ тебѣ, о! Боже! прибѣгающими!

Не взирая на всѣ ковы Бонапартевы
— Россія содѣлалась сильнѣе, и непри-
ятели, имъ возбужденные поднявъ ору-
жіе противу Русскихъ, и были поража-
емы, и лишились пространныхъ земель,
за послушаніе извергу. — Графъ Букс-
тевденъ, предводительствуя Русскими, по-
корилъ Финляндію, и чрезъ то Шведы
гораздо обезсилѣли. Михельсонъ, Князь
Прозоровскій, Князь Баграціонъ, Графъ

Каменскій въпорый, жестоко поражали Турокъ, брали крѣпости, пушки, знамена, плѣнныхъ; но явился Купузовъ, и луна преклонила рога предъ спарцемъ давно ей извѣстнымъ, и заключенъ миръ, такой миръ, опъ котораго ПЕТРЪ Великій, ЕКАТЕРИНА II Великая, радостно осклабляясь съ высотъ небесныхъ, преклоняюще колѣна предъ престоломъ Всемогущаго, приносятъ благодареніе за народъ Свой. Персія и Горскіе народы не разъ были поражаемы и еще поражаются; война же съ Англіею ни что иное была, какъ недоумѣніе.

Такимъ образомъ начальникъ Французовъ Бонапарте, созерцая Россію, распростирающую свои предѣлы, видя АЛЕКСАНДРА, кропкаго, вездѣ побѣдами прославляемаго, не можетъ перенести такое торжество Русскаго народа, а потому повелѣваетъ Королямъ и Принцамъ своего созданія, приказываетъ всему Рейнскому союзу, да предстанутъ ему, и всѣ съ подобострастіемъ стекаются къ повелѣнію своему; съ поникшими главами, съ препетомъ гошвы внимаютъ изъ успѣ Бонапарте приговоръ свой; и

се начинаешъ онъ: „Я, съ достойными
 „меня Французами и съ вами, покорилъ
 „народы, кои не смѣли познатъ силы свои;
 „васъ я возвысилъ до такой степени,
 „до какой вы не дерзали и подумать; на
 „конецъ крапко сказахъ, *я удостоилъ васъ,*
 „*называть себя, не токмо вазаллами моими,*
 „*но рабами;* нынѣ познайте послѣднее ве-
 „лѣніе мое: я хочу съ моими кровожад-
 „ными подданными, и съ вашими сила-
 „ми и казною, сокрушить колоссъ, съ
 „презрѣніемъ на могущество мое взираю-
 „щій; я хочу унижить гордость Русска-
 „го народа, и даже завладѣть лучшими его
 „землями.—Гоповпесь выпупись, пред-
 „водимые мною., Сказалъ, и не ожидая
 отвѣта Королей и Принцовъ, съ сапанин-
 скою спесью, скорыми шагами, спѣшилъ
 отъ нихъ удалиться.

Призванные Короли и Принцы не токмо
 не осмѣлились сказахъ слово, даже и не
 взглянули одинъ на другаго; — разо-
 шлись, и вскорѣ явились съ войсками и
 деньгами подъ знаменами Бонапарте. Сей
 удивляясь рабскому послушанію, неблаго-
 даря ихъ, повелъ къ границамъ Россій-
 ской Имперіи, и презря законы честни,

права народныя, переиравился чеиырма
огромными колоннами чрезъ Немень. —
Колонны заключали въ себѣ болѣе семи
сотъ тысячъ пѣхоты, конницы и артил-
леріи. Съ сею ужасною арміею мечпаль
попрысши великое наше Опечесиво. —
Уже Россіане по приказу опспупаюпѣ,
поражая; но видя, что Бонапарте съ ад-
скими замыслами впоргся въ Россію,
видя, что Смоленскъ заняпѣ имѣ, Импе-
раторъ нашъ Александръ, чпобѣ
оспановипѣ кичливоспѣ и зацципипѣ
Свой народъ, внявѣ гласу вѣрноподдан-
ныхъ Своихъ, гласу души Своей — на-
значилъ главнокомандующимъ всѣхъ ар-
мій Россійскихъ Князя Купузова, того
героя, который лаврами увѣнчанный,
по заключеніи славнаго мира съ Оп-
томанскою Порпою, думаль въ покоѣ
кончипѣ преспарѣлые дни свои: но се
гласъ Опечесива и Государя взываепѣ
къ нему, и Князь Купузовъ, подобно
Эпаминонду *кротостію*, опяпѣ забываетѣ
лѣта свои, горипѣ огнемъ юноши —
гоповъ паспѣ на полѣ чеспи, за любез-
ную ему Россію, за почипаемаго имѣ

Государя; — и 17 числа Августа, *) съ Божіею помощію, въ вождельнномъ здоровіи уже въ арміи; 18 обпекаетъ оную, и присупспвіемъ своимъ влагаетъ въ чувспво каждого Россіянина — война, — увѣреніе о будущихъ побѣдахъ и о изпребленіи враговъ; 24 Августа даетъ *адское дѣло*, а 26 того же мѣсяца одерживаетъ побѣду при Бородинѣ надъ Бонапартіемъ, хопя Россіянъ было вдвое менѣе; но Кутузовъ предводителспвуепъ, и каждый воинъ восклицаетъ другимъ:

Сюда! спекайтесь, сонмъ Героевъ,
Сюда! намъ спыдно ранъ не знайтъ;
Впередъ! — Врубились въ нѣдра спроевъ,
И всколебалась вражья ратъ.

Да! Бородинскому дѣлу одолжена Россія всѣми славными послѣдспвіями. Мнѣ возразятъ: а Москва! Я вмѣсто своего опвѣта повпорю слова Д. П. Трощинскаго, **) „*Пала Москва; но опершись на Кн. Кутузова, цстояла Россія.*“

Въ заключеніе моихъ мыслей, скажу: гдѣ есть Богъ, гдѣ еще сохраняются

*) 1812.

**) Письмо къ Свѣплѣйшему Князю М. Л. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, 10 Декабря 1812 года — Кобинцы.

нравы предковъ, и гдѣ народъ крестился
 большимъ крестомъ, любилъ своего Го с у-
 д а р я, помазанника Божія: труда не совѣ-
 стую въпоргаться ни кому, дабы не ис-
 пытать участи Бонапартьевой — и его
 безчисленныхъ войскъ. Попомство не по-
 вѣрилъ, чѣмъ Князь Кушуровъ-Смолен-
 скій съ Русскими въ теченіе трехъ мѣ-
 сяцовъ истребилъ сотни тысячъ злѣй-
 шихъ враговъ, чѣмъ взялъ всю артиллерію
 ихъ, тѣмъ плѣнныхъ, и превзошелъ дѣлами
 воинскими всѣхъ великихъ мужей, въ
 Исторіи извѣстныхъ.

1813 февраля мѣсяца.

Конецъ I части.

3 vol

51

280

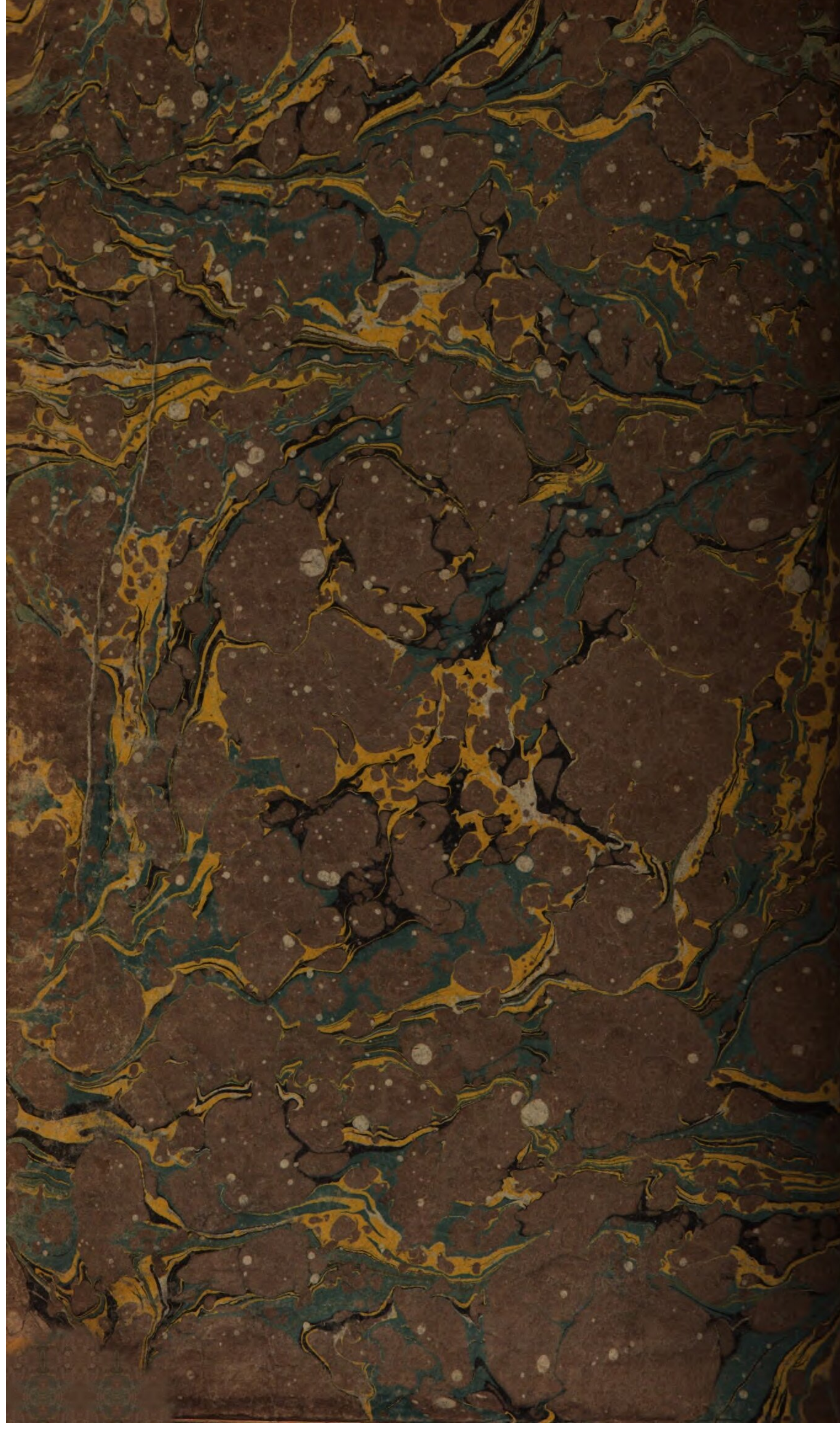
May 10

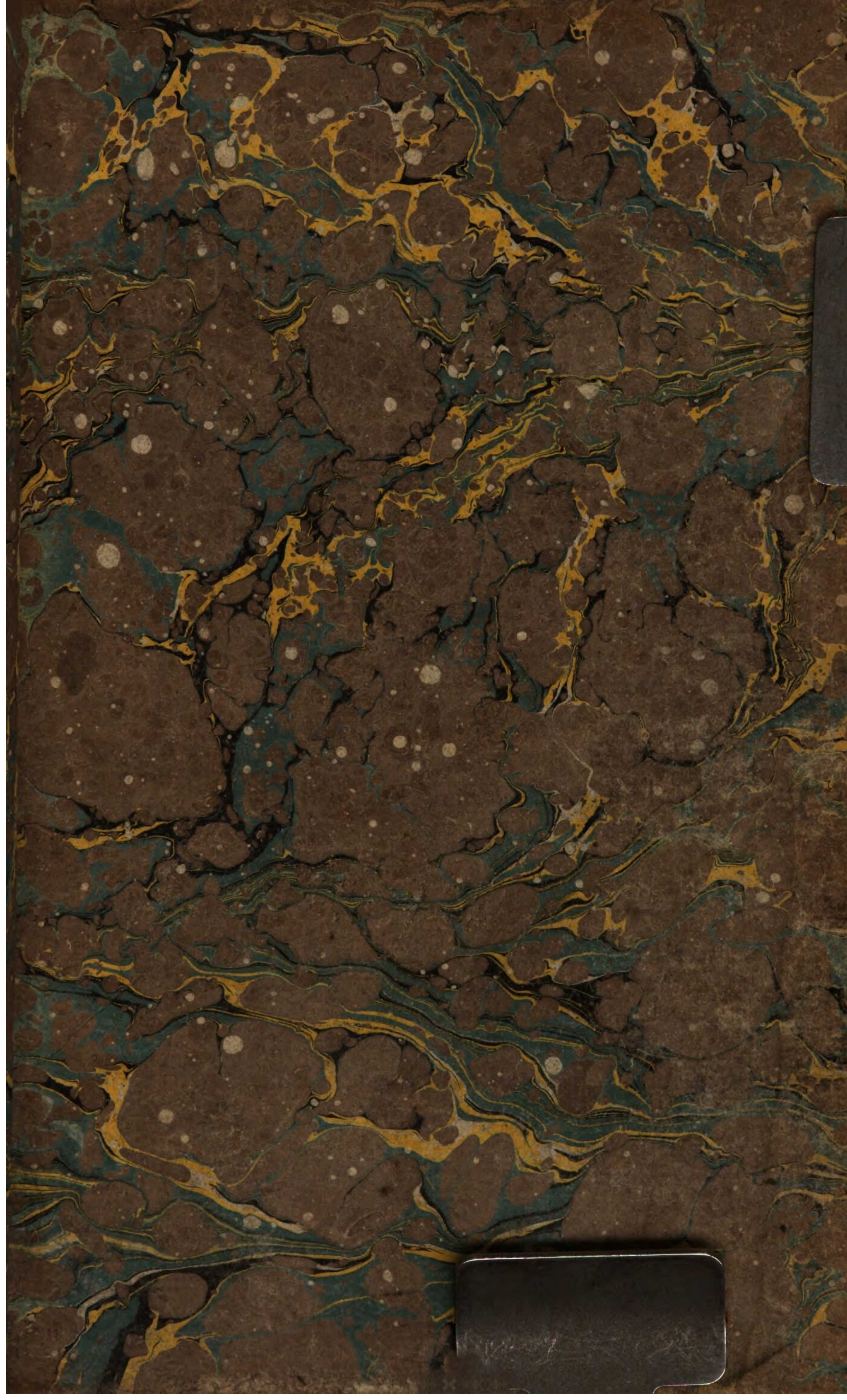
0

10

3 vol

Vol. 1-3 = 400 hfl
Nijh.

Gerakov, Gavriil Vasil'evič,

Tverdost ducha russkich

Bd.: 1. (1813). - 145 S.

Petrograd 1813

Russ. 289 I-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784149-1